

ЛЕГЕНДА БЕСКОНЕЧНОСТИ

ВАЛЕНТИНА ШААД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валентина Шаад

Легенда Бесконечности

<https://litres.ru/74088864>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он не просил прощения, спасения, он не просил любви, но Бог послал в его жизнь ее.

Адам Имерети: хладнокровный наследник империи, убийца по призванию, грешник по судьбе. Он давно перестал верить в чистоту — пока не увидел её: Алифнет Циклаури, дочь умирающего друга отца. Девушку с глазами цвета моря и сердцем, которое не боится его тьмы — потому что знает: в ней может родиться свет.

Адам не хотел её любить — он хотел стереть её из памяти, как стирают ошибку.

Каждое прикосновение — как прощение, которое он не заслужил, но готов сжечь весь мир.

Алифнет Циклаури: Его искупление в этом темном мире.

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Содержание

Глава	4
Дисклеймер	5
От Автора	7
Пролог	9
Катар	9
20 лет назад...	34
Малик Имерети	35
Глава 1	118
Глава 2	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Валентина Шаад

Легенда Бесконечности

Глава

Дисклеймер

Здравствуй, дорогой читатель.

Спасибо, что выбрал мою книгу.

Это мое первое произведение.

Предупреждаю честно:

Это — тёмный-роман. Мафия. Современность. Боль. Власть. Любовь, рождённая в тени.

Вся книга — плод художественного воображения. Все персонажи, события, локации, кланы, диалоги и конфликты вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, организациями, городами или историческими событиями случайны.

Книга не пропагандирует насилие, преступность или ненависть.

Книга предназначена исключительно для читателей старше 18 лет.

В ней присутствуют:

- сцены физического и психологического насилия,
- описания пыток, похищений, убийств и самоубийств,
- ненормативная лексика, соответствующая характерам и обстановке,
- сцены сексуального характера (18+), отражающие не романтизацию, а сложные, часто болезненные взаимоотношения персонажей.

Если подобный контент может причинить вам душевный дискомфорт — пожалуйста, отложите эту книгу.

Если же вы готовы пройти сквозь тьму, то вперед за мной.

Потому что я тот человек, который верит: даже в аду можно найти любовь — и она будет сильнее всего.

С любовью, Валентина.

От Автора

Каждый мечтает о любви, о том единственном человеке, чьё прикосновение успокоит боль, и чья тень станет домом. Но не всем удаётся удержать такую любовь. Одним она достаётся легко, других обжигает до крови.

Любовь начинается с доверия... но именно доверие чаще всего становится тем, что ломается первым. Потому что мир полон тех, кто готов разрушить чужое счастье ради собственной выгоды или ради простой зависти.

Первая любовь приходит неожиданно, будто сладкий яд, который проникает в кровь и обещает вечность, но приносит лишь раны. Последняя любовь — редкий дар. Свет среди тьмы. Шанс на спасение, который появляется тогда, когда сердце почти перестало верить.

Первая любовь была ему дана от дьявола, последняя — от Бога.

Пролог

Катар

— Моника! К тебе пришли! — голос матери донёлся с лестницы. Резкий, настойчивый, словно предвестник бурного ветра.

Девушка дернулась. Её пальцы всё ещё дрожали от свежих линий карандаша. На бумаге было её пространство, её покой. А реальность... была чужой, громкой, непредсказуемой.

Кто? Почему я чувствую это... тревогу?

Она медленно спустилась вниз. Каждый шаг отдавался в груди стуком, как предупреждение: *«Всё может измениться в любую минуту»*.

В прихожей стоял Леон. Друг детства. Тот, кто всегда появлялся внезапно и оставлял после себя след, который невозможно смыть. Его взгляд вспыхнул, едва он увидел её.

— Как я вижу, дорогая, ты всё же рада моему приходу, — произнёс он, шаг за шагом сокращая не только расстояние, но и годы, которые их разлучали.

— Да, Лео... Добро пожаловать. Пройдём в гостиную? Выпьешь что-нибудь? — голос дрожал едва заметно. Сердце билось быстрее, а дыхание стало глубже.

— Да, давай.

Они сели на диван.

Тишина висела между ними, тяжёлая, плотная, словно густой туман. Никакой неловкости — только прошлое, настоящее и невыраженные желания. Леон нарушил тишину первым.

— Как ты? — спросил он, не отводя взгляда. Его глаза пытались прочесть мысли, прочесть душу.

— Хорошо... А ты? Тебя не было три года. Что делал за границей? — Моника старалась звучать спокойно, но внутренне чувствовала дрожь, словно мелкие струны её нервов натягивались до предела.

— Работал. Заканчивал проекты... И кое-что нашёл. Новое хобби. — Его голос был ровным, но глаза выдавали другое: *тьму и желание, которое нельзя остановить.*

Хобби? Или это новый способ быть ближе ко мне? — подумала Моника, чувствуя знакомое напряжение, поднимающееся в груди.

— Какое хобби? — осторожно спросила она.

Он улыбнулся уголком губ, улыбкой, в которой пряталась и обещанная близость, и скрытая опасность.

— Пока что это тайна. Моя Моника.

— Я не твоя, — мягко, но твёрдо сказала она.

Я не хочу быть его собственностью... — думала она.

Леон задержал взгляд на её лице. Серо-карие глаза светились честностью, а это притягивало его, словно магнит, сильнее любых обещаний.

— У тебя красивая улыбка... и ты красивая... — слова вырвались сами собой.

Моника смутилась, но не смогла отвести взгляд.

Почему он всё ещё заставляет её сердце дрожать?

— Моника, ты в отношениях? — резко, почти больно выстрелил он словами.

— Я поднимусь к себе. Ты гость, но... — раздражение переполняло её, а сердце жгло.

— Всё, всё! — Он поднял руки. — Прости, я не хотел тебя сердить.

Но это была ложь.

Леон хотел знать.

Хотел владеть информацией, как когда-то владел её детством, её страхами, её улыбкой. Он не представлял себя без Моники. Он сходил с ума каждый раз, когда видел её.

Она же не могла представить свою жизнь без Адама, и это знание только усиливало внутреннюю борьбу.

— Леон, я не хочу отношений. Не с тобой, — сказала она спокойно, но с железной твердостью.

Он вскочил, голос дрогнул, глаза загорелись одержимостью.

— Дай мне шанс! Чем я тебе не нравлюсь? Я готов на всё! На всё, понимаешь?!

— Тише, — прошептала она, боясь, что родители услышат.

Его громкие и острые эмоции рвались наружу.

— Я вижу тебя как друга. Только как друга. Ты друг моего брата. Этого достаточно.

— Мы не дети! Мы выросли! — голос его сорвался. Боль и страсть смешались в каждом слове.

— Нет! Ты вычеркнешь меня из своей жизни, — холодно произнесла она.

— А я представить себе не могу, как это сделать... — выдохнул он, признавая своё бессилие.

Моника отвернулась и ушла.

— Моё сердце занято, Леон. Я не хочу никого другого.

— Ты будешь моей! — прокричал он, словно ударяя словами в её спину. — Ты слышишь?!

Хлопок двери — и пустота осталась с ней в комнате. Моника попыталась вернуться к эскизу, но карандаш не слушался. Сердце дрожало. Телефон зазвонил.

Моника: — слушаю... — голос дрогнул.

Пауза.

И вдруг хриплый, тёплый, почти осязаемый голос Адама коснулся её имени.

Адам Имерети: — Привет, родная...

Она закрыла глаза.

Моника: — Привет... — радость и боль смешались.

Адам Имерети: — Я скучал по тебе. Скоро увидимся. Совсем скоро.

Отец проходил мимо её комнаты, но она не заметила.

Адам Имерети: — Моника? — голос Адама стал серьезнее.

Моника: — Да?

Адам Имерети: — Приезжай ко мне.

Она растерялась.

Моника: — Я?.. Адам, я не знаю... Меня вряд ли...

Адам Имерети: — Пожалуйста, любимая. — Его голос был мягок, тверд, и опасно притягателен. — Я хочу, чтобы ты была рядом.

Моника: — Я попробую... Но ты знаешь... Родители...

Адам Имерети: — Ты справишься. Я люблю тебя.

Моника: — И я тебя...

Но на следующий день родители даже слушать её не захотели.

Адам

Спустя 3 месяца...

Моника: — Адам, сколько можно?! Нам нужно поговорить! — голос Моника был измученным, дрожащим.

Адам Имерети: — Я на тренировке. Бой через несколько дней. Не начинай, — раздражённо ответил я. — Моника, позже поговорим, — оборвал разговор.

Я бросил телефон в сторону, эти сцены утомляли. Ломкая грань между ними в последнее время казалась готовой треснуть в любой момент.

— Адам, хватит на сегодня, — сказал мне тренер.

— Ладно, ключи оставляю тут, я останусь.

Я не хотел домой к родителям. Там — вечные скандалы, упреки, требования жить чужой жизнью.

Закрыв зал, я направился к машине. Но заметил тень. Кто-то следил за мной.

— Добрый вечер, — произнёс незнакомец.

— Добрый... — Я напрягся. — Есть вопросы?

— Вам нужно проехать со мной. Вас вызывает госпожа Далия.

— С ней что-то случилось?

— Это связано с семейными делами Имерети Малик. Госпожа Далия в последнее время плохо себя чувствует, но по состоянию здоровья не хочет, чтобы вы знали.

В груди сжалось.

— Я понял тебя. Езжай, чуть позже я сам приеду.

Вдруг раздался звонок от Моники. За последние месяцы она сильно изменилась, и наше общение стало совсем другим.

Мы перестали понимать друг друга, я не чувствую той поддержки, что была раньше.

Я ответил на звонок.

Моника:— Адам, я хочу увидеться.

Я выдохнул: «*Черт, я же обещал поговорить...*» — и согласился.

Они встретились в центре. Моника Адамия стояла одна, со стороны она выглядела очень одинокой.

— Что случилось? Или просто скучала по мне? — Адам обнял её, надеясь согреть хоть что-то внутри нее, чтобы эта искра одиночества и печали исчезла.

— Адам, убери руки. Нас могут увидеть журналисты.

Он остановился, пытаясь понять, что в этой девушке не так.

— Почему ты такая? Пусть знают, что ты моя.

— Я запланировала ужин, — сказала она.

— И? — нахмурился Адам.

— Мы должны сказать кое-что близким. Твоя семья тоже должна быть там.

Его руки медленно опустились.

— Думаю... я знаю, что ты хочешь сказать, — Адам улыбнулся слабой, тёплой улыбкой.

— Ужин первого июня. — Моника смотрела в сторону, будто боялась его взгляда.

Они попрощались.

«Неужели она наконец расскажет своим родителям о

нас?»

«Господи... Что же будет?»

Адам

Уже ночь, я приехал в родительский дом. Ухоженный вид дома, особое внимание этому уделяет мама, наша госпожа Далия Имерети, но особое чувство этого места не передать словами, и говорю я не о красоте, а о душевном состоянии.

Дом, где я вырос, уже зная наперед, я знаю, что будет, когда я переступлю порог этого дома.

«Мама! Папа! Брат вернулся!»

Самое дорогое, что может быть в этой жизни, это семья.

Мой отец Малик Имерети. Он имел успешный бизнес, но это был не тот бизнес, о котором вы подумали. Да, у нас есть бизнес, который работает легально, *«Холдинг Имерети»*, но также есть нелегальные дела, которые мой отец никак не может оставить в прошлом. Весь Катар знал нашу семью именно по нелегальным делам.

Мой отец нетерпим и жесток, где бы он ни появлялся, он заставлял всех подчиняться своей воле.

Моя мама — Далия Имерети, не буду тянуть и растягивать, роза и душа нашего дома.

В семье я не один, у меня есть сестра Айла, восемнадцать лет, значение её имени описывало внешность, светлая и красивая, подобно луне, она была очень милой, доброй.

И, конечно же, сам я, Адам Имерети Малик, 23 года, представитель влиятельного рода. Справедлив и усерден, параллельно нашему семейному бизнесу уделяю большое внимание и время боксу.

Ну что ж, наверное, уже пора...

Переступив порог дома, была слышна тишина.

— Спят, что ли? Адам Имерети вернулся! — и тут выбежала наша Айла.

— Мой брат приехал, Адам! — она бросилась ко мне с объятиями.

— Айла, хватит! — смеялся я.

— Почему ты так поздно? Даже не предупредил...

В этот момент из гостиной вышли наши родители.

— Сын, — кивнул отец.

— Мама? — спросил я.

Она смотрела на меня серьёзно.

Казалось, выглядела она прекрасно.

Опять отец за своё...

— Нам нужно поговорить, — сказала мама.

Мы сели в гостиной.

Несколько секунд тишины, но потом отец начал.

— Мы хотим увидеть твою свадьбу и внуков. Сколько можно быть холостяком?

— Первого июня всё решится, — ответил я.

— У тебя есть невеста? — удивлённо спросил отец.

Я впервые за всё время улыбнулся перед отцом.

— Да, первого июня мы приглашены на большой ужин, который ее семья устраивает, там вы и познакомитесь.

Родители обменялись радостными взглядами.

Возвращаясь домой, я шла по коридору с тяжелым сердцем, поднимаясь к своей комнате. И вдруг на лестнице появился отец. «Только не он...» — пронеслось в голове.

Я сделала вид, что не замечаю его, но каждый шаг отдавался холодом в спине. Стоило мне коснуться дверной ручки, как его голос, низкий и тревожный, разрезал тишину:

— Моника, зайди ко мне в кабинет.

С тяжелым вздохом я развернулась и пошла за ним. В кабинете было темно, лишь лампа бросала желтоватый свет на его строгое лицо. На столе стоял бокал с виски, рядом — открытая бутылка.

Атмосфера была до жути густой, как перед штормом.

Отец жестом пригласил меня сесть.

— Что-то случилось, папа? — спросила я дрожащим голосом.

— Я узнал, что ты планируешь ужин, — его глаза были холодными, как сталь. — Где ты была?

— Я встретила с организатором, обсудили детали...

— Детали... — он ударил кулаком по столу, и стекло бокала зазвенело. — Я знаю, куда ты ходила этим вечером!

Слезы подступили к глазам.

Впервые я видела его таким злым, почти неузнаваемым.

— Адам Имерети... — тихо пробормотал он, и моё сердце сжалось от страха.

Я попыталась смириться с его гневом, но он подошёл ко мне и ударил по щеке. Я сжала руки, ощущая не столько боль физическую, сколько предательство и власть.

Власть отца, которая чувствовалась всегда в нашей семье...

— Моя дочь не будет встречаться с каким-то нелегалом! Или ты забыла, что «Холдинг Имерети» — это легальное прикрытие?!

Я молчала, наблюдая, как алкоголь делает его слова острыми и опасными.

— Ты моя дочь. Каким бы человеком он ни был, ты не выйдешь за него! — голос рвался.

— Нет! — выдохнула я, дерзко. — Я выйду за него!

Взрыв ярости.

Отец схватил меня за плечи и прижал к стене, его лицо в ярости, голос рвался из груди, я думала, он убьёт меня...

— Ты выйдешь замуж за Леона Акселили! Дай номер ор-

ганизатора и готовься: 1 июня будет и ужин, и помолвка!

Я рухнула на колени, моля его.

— Папа... я люблю его!

Но в глазах отца никогда не было места для любви.

Он лишь холодно кивнул. Я подала ему визитку, молча вышла из комнаты, чувствуя, как моя жизнь рушится. На улице, укрывшись пледом возле пруда, я держала телефон и думала: «*Что же делать?*».

Тишину нарушил шаг отца.

Он положил руку мне на плечо, и я вздрогнула.

— Прости, Моника... я был в гневе, — сказал он с сожалением.

— Ты хоть понимаешь, что я сказала ему? — глаза бегали, сердце стучало.

Он пожал плечами, не находя слов.

В его взгляде я увидела сожаление и жесткость — две стороны, которые живут в нем всю жизнь.

— Сказала, чтобы он пришёл на ужин с семьей... — пыталась я оправдаться.

— Мне всё равно.

— Почему? Зачем ты так поступаешь? У меня одна жизнь! — слёзы стекали по щекам.

— Я не хочу, чтобы ты связывала жизнь с нелегалом, — спокойно, но смертельно серьезно произнёс он.

— О, не нелегал! — настояла я. — Даже если его отец был таким, Адам другой!

Молчание.

И вдруг отец бросил мне папку с досье — «Дело Имерети».

Каждая страница была как удар по сердцу: *фотографии, схемы, документы.*

На одной из страниц я увидела Адама с оружием у головы связанного мужчины.

Руки дрожали, глаза наполнялись страхом.

— Думаю, ты достаточно убедилась, — сказал отец, забрав папку из моих рук.

Я осталась в шоке, не веря, что человек, которого я любила, способен на такое.

Сердце рвалось на куски.

— Я встречу с ним, — прошептала я самой себе и сорвалась с места, сев в машину.

Ночь стояла густая, словно дышала ей в лицо, когда Моника вышла из дома. Ключи дрожали в её пальцах от того, что внутри всё уже треснуло.

Она села в машину, включила фары и, опершись лбом о руль, выдохнула резким, рваным дыханием. Телефон казался тяжёлым, она листала контакты, пока не нашла нужный номер.

Нажала на вызов.

Адам Имерети: — Да... слушаю... — сонный, тёплый, чуть хриплый голос Адама заставил её стиснуть зубы.

Больно. Слишком живой.

Моника: — Нам... нужно срочно увидеться, — произнесла она быстро, словно боялась передумать.

Адам Имерети:— Моника... ты что так поздно? Что случилось?

Моника:— Через пятнадцать минут я буду на нашем месте. Приезжай. Это важно. Очень.

Адам Имерети:— Хорошо... но как тебя отпустили? Ты время видела?

Моника: — Адам, ты тянешь время. Я отключаюсь.

Она не ждала ответа — просто оборвала звонок.

Мотор взревел, и машина сорвалась с места Моника ехала быстро, слишком быстро. Слезы не текли, но в груди что-то уже обугливалось.

Ветер ударил в лицо, когда Моника вышла из машины.

Луна освещала её бледное лицо заплаканное, упрямое, сломанное и одновременно злое.

Адам стоял у своей машины, облокотившись на дверь, будто ждал удара, который она вот-вот нанесёт.

Моника подошла ближе, остановившись в шаге от него. Грудь вздымалась, пальцы дрожали.

— Ну? — произнёс он низко. — Говори.

Она глубоко вдохнула и метко выстрелила в него словами.

— Я ненавижу тебя.

Адам не шелохнулся.

Только уголок его челюсти дёрнулся.

— Ещё.

— Ненавижу, — повторила она уже громче. — Твою агрессию, твою ревность, твою семью, твою мафию. Я ненавижу тебя, ты убийца! Ты бесчестный человек, на твоих руках грязная кровь! А ты прикрываешь передо мной это спортом и делами в компании!

Он моргнул один раз медленно.

— Продолжай, — сказал он.

— Я не хочу быть частью этого ада! Я хочу нормальную жизнь! Хочу выйти замуж за честного человека, а не за... — голос сорвался. — ...не за такого, как ты.

Тишина разорвалась внутри него, как взрыв.

Адам сделал шаг к ней, она отступила, он сделал второй, Моника уткнулась спиной в холодный металл своей машины.

— Адам... не подходи.

Он смотрел в её глаза, и что-то тёмное внутри него медленно вставало на ноги.

— Значит... честного, — произнёс он тихо, почти ласково.

Она отвернулась.

— Я разрываю нашу связь навсегда. С этого дня ты даже не приблизишься ко мне!

Адам протянул руку, взял её за подбородок и повернул к

себе лицом.

— Нет. — Он произнёс это не как просьбу, а как приговор.
— Ты сначала выслушаешь меня.

— Не хочу! — Моника попыталась вырваться. — Я тебя даже слушать не хочу, я ненавижу тебя!

Но Адам уже открыл дверь её машины, резко металлический щелчок разрезал воздух, и он толкнул её внутрь и сам вошёл следом, дверь захлопнулась.

Моника оказалась в его железном капкане.

Тишина автомобиля была такой плотной, что казалось, ею можно резать кожу. Моника дёрнулась к ручке двери, Адам перехватил её запястье.

— Открой, — прошептала она. — Я сказала тебе: всё кончено, с этого дня я не люблю тебя!

Адам наклонился ближе.

Его дыхание обожгло её лицо.

— Ты хочешь честного, Моника? — его голос стал низким, тихим, опасным. — Хорошо. Но перед этим... ты узнаешь, как выглядит нечестность.

Он поймал её второе запястье, фиксируя её руки над сиденьем. Она пыталась вырваться, но Адам держал крепко, уверенно, ведь он знал каждую линию её тела.

— Адам, отпусти. Я серьёзно, я...

— Ненавидишь? — он коснулся её губ своим дыханием.
— Боишься? — ещё ближе. — Хочешь уйти от мафиози? От убийцы?

Она закрыла глаза, чувствуя, как силы уходят.

— Да... — прошептала она.

Адам усмехнулся.

Тихо.

Без радости.

— Тогда я подарю тебе ночь, которую ты не забудешь, — прошептал он ей в ухо. — И даже твой честный путь, по которому ты хочешь идти с другим, не сможет стереть меня из тебя.

Его губы коснулись её шеи жёстко, требовательно, но это был не поцелуй, а владение, метка.

Она задохнулась.

Моника пыталась сопротивляться, но он был быстрее, сильнее, злее. Адам знал каждую её слабость, каждую точку, от которой её дыхание сбивалось. Он прижимал её к сиденью, лишая воздуха, пространства, выбора. Его пальцы скользнули по её талии, по бедру уверенно, так, будто её тело принадлежало ему так же, как воздух принадлежит ночи.

— Адам... — всхлипнула она. — Не надо...

— Надо, — жёстко. — Ты сама выбрала.

Он притянул её к себе, и в замкнутом пространстве машины воздух стал настолько плотным, что невозможно было дышать. Она чувствовала Адама, каждую линию его ярости, его силы, его желания сломать, доказать, оставить след. Чувствовала, как он захватывает её не только телом, но и волей.

Она плакала, а Адам шептал ей на ухо.

— Тебе нужен был честный? Вот и останешься с честным, но вот сама ты... Теперь бесчестная.

Ночь тонула за окнами машины, когда Моника сдалась не от желания, а от того, что он не оставил ей выхода. Он был резким, горячим, злым.

Это не было нежностью, это было наказанием, владением, последним правом, которое он имел и которое решил использовать.

Дыхание Моника было рваным, а его — тяжёлым, яростным.

Адам довёл её до слабости, до дрожи, до того состояния, когда чувства смешиваются со страхом и памятью, которую невозможно выжечь.

И когда всё закончилось, Адам сидел рядом, тяжело дыша, глядя на неё пустым, выжженным взглядом.

Моника закрыла лицо руками.

— Адам... зачем... — Голос дрожал. — Я сказала, выйду за другого...

Он повернулся к ней, его глаза были холодными, как клинок.

— Знаю, — сказал он. — Поэтому и сделал.

Она вскинула взгляд, но Адам уже открыл дверь.

— Ты меня... разочаровала, Моника, — произнёс он медленно. — Ты оказалась слабее, дешевле... и настолько гнилой.

Она тяжело дышала и старалась восстановить дыха-

ние.

— Ты... бросаешь меня? — прошептала она. — Ты бросишь теперь меня, после того как переспал со мной?

Он посмотрел на неё сверху вниз чужим, прощающим взглядом.

— Я уже бросил, — спокойно сказал он. — Ты не стоишь того огня, который я в тебе сжигал все эти годы.

И ушёл, оставив её в тишине машины разорванную, сломанную, униженную, с его следами на теле и пустотой внутри.

Адам

Адам Имерети: — Отец, слушай внимательно. Никакого ужина не будет. Передай маме.

Отец: — Но как же...

Адам Имерети: — Не сейчас. Я не хочу ничего обсуждать. Просто... запомните: невесты больше нет. И прошу — не трогайте меня больше с этими разговорами о свадьбе.

Я резко отключился, телефон погас.

Пальцы дрогнули на руле, я нажал на газ, машина рванула вперёд, и вместе с этим встряхиванием меня накрыло прошлое, как мы познакомились с Моникой на последнем курсе университета.

Банально, не так, как в фильмах: нет громких историй, падений, случайных столкновений.

Просто... увидел.

И впервые в жизни почувствовал, что я живой. После получения дипломов мы начали встречаться.

Тихо, спокойно, будто всё само собой складывалось. И я, идиот, поверил, что так и должно быть, что мне, сыну Малика Имерети, от которого люди обычно бегут, может достаться такое светлое, чистое чудо.

Со временем наши отношения стали серьёзными, настолько серьёзными, что я ослеп и не видел никого, кроме нее. Потому что я хотел её.

Потому что в её глазах я впервые увидел отражение себя, а не чудовища, не наследника тени, а мужчину.

Просто мужчину.

Говорят, что каждый черствый мужчина однажды готов отдать всё, что у него есть, — всю кровь, свое будущее, всю душу, — если в его жизни появляется та самая девушка.

И ею была Моника Адамия...

Но, как оказалось, это ошибка, большая, хлещущая по горлу, режущая изнутри ошибка.

Любить и в один момент начинать ненавидеть — да, так бывает.

Так происходит, когда человек, которого ты носил в сердце, тот,

ради которого менялся, вдруг ставит тебя на колени од-

ним предложением: «Я ухажу. Я выбираю другого».

*Любовь меняет в лучшую сторону человека,
но ненависть разрушает.*

Моника

Я мчала домой так быстро, что почти не видела дорогу
руки, дрожали на руле, мысли метались, как птицы, бьющи-
еся о стекло, я не думала ни о чём, кроме него... и своей
дальнейшей жизни.

А может, я ошиблась? Может, досье — ложь?

— Нет. Нет, Моника, — сказала я себе вслух, — не оправ-
дывай его. Он убийца. Он убил человека.

*А если не одного, а если я была следующей в списке, если...
сегодня... он мог бы...*

Я резко вцепилась в руль, мысленно оборвав себя. Сердце
болезненно сжималось, мысли прервались, когда я поняла,
что уже стою у дома.

— Уф... как же мне не хочется возвращаться домой, —
выдохнула я, чувствуя, как в груди поднимается волна тош-
ноты.

Я вышла из машины, ноги будто ватные. Дом встретил ти-
шиной — густой, неподвижной, давящей.

«Как же хорошо...» — подумала я, хотя это было ложью.

Тишина давила больше, чем любой звук. Поднимаясь к себе, я уже готовилась к пустой комнате, но... остановилась в дверях, когда увидела, что на кровати лежали какие-то бумаги.

— Что я опять забыла убрать? — пробормотала я.

Но, подойдя ближе, замерла: это был каталог свадебного салона. Белые платья. Кружево. Фата. Счастливые невесты, улыбающиеся на глянцевых страницах журнала.

Я стояла, как статуя.

Минуты пять... десять... Но потом резко подняла взгляд на зеркало, и что-то внутри меня сломалось.

Хохот — резкий, сухой, истеричный — вырвался сам собой.

— Ты дура... — прошептала я своему отражению. — Навивная дура... Ах-ха-ха... Ха... Ха... — Смех сорвался в крик. — А-а-а-а! — Я рванула себя за волосы, колени подогнулись, я упала на пол. — А-а-а-а!!!

Крик расходился по дому, дом дышал моей болью, он обесчестил меня, не оставив выбора, не оставив права сказать «нет».

Грязно.

Грубо.

Как будто хотел стереть меня, наказать...

И сразу же бросил — эта мысль прожигала грудь.

В комнату вбежали родители. Мама первая подскочила ко мне, отец — за ней. Они оба обняли меня, удерживая,

будто боялись, что я рассыплюсь на куски. Я дышала рвано, сквозь рыдания, пока силы не начали уходить. Тишина легла на комнату, только всхлипы ещё дрожали. Я первой нарушила её.

— Папа... — прошептала я.

Он понял всё без слов.

— Я слушаю, — сказал он серьёзно.

— Скажи маме... пусть выйдет.

Мама посмотрела на нас обоих, но подчинилась. Она знала: разговор не для неё. Когда дверь закрылась, отец сел рядом, не прикасаясь, — знал, что любое касание сейчас может причинить боль.

Он протянул мне таблетку и стакан.

— Выпей. Это поможет.

Это была одна из тех таблеток, что дают людям после истерик, панических атак и нервных срывов.

Я знала их вкус уже наизусть.

Я проглотила.

Горло горело.

— Папа... — голос был слабым.

— Да?

Я подняла на него покрасневшие глаза.

— А если он убьёт меня?

Отец замер.

Его взгляд стал тяжёлым, ледяным.

— Выкинь это из головы. Он не посмеет, — сказал он спо-

койно, но в голосе чувствовалась сталь.

— Дашь мне время... забыть его? — попросила я тихо, почти шёпотом.

Отец нахмурился.

— Дочка... твоя помолвка первого июня. Ты помнишь?

— Помню... — я закрыла глаза.

Леон честный, спокойный, тот, кем должен быть мужчина в глазах семьи.

— Я выйду за него, — сказала я медленно. — Но... пожалуйста... дай мне время, отец.

Он смотрел на меня долго, тяжело.

В его глазах читалась боль за меня — и злость, направленная не на меня.

Наконец он кивнул.

— Хорошо.

Он поцеловал меня в лоб мягко, почти бережно, как в детстве, и вышел, прикрыв дверь. Комната осталась в полумраке. Каталог лежал на кровати, мои волосы спутаны, запястья, как и всё тело, ноют.

Сердце... разбито.

Я легла на бок и тихо прошептала в пустоту: «Адам... почему?..»

Но ответа не было, и теперь уже не будет никогда.

На следующий день отец Моники — Альберт Адамия — направился в офис, как обычно, в сопровождении охраны. Огромный, строгий, холодный бизнес-центр встретил его как своего хозяина.

Всё здесь было построено им — руками, деньгами и... когда-то грехами.

Он поднялся в кабинет, сел в массивное кожаное кресло и нажал на кнопку вызова секретаря. Все его сотрудники были мужчинами.

Почему? Ответ был прост — прошлое.

Тёмное прошлое, от которого он смог откупиться, но которое никогда не отпускало. Ошибки, которые он сделал, и кровь, в которой когда-то участвовал.

20 лет назад...

Альберт Адамия

Тогда он был другим. Молодой, жадный, идущий по головам, уверенный, что мир создан, чтобы его обмануть, а значит — он должен обмануть первым.

Он делал деньги на схемах и аферах — буквально из воздуха. И когда набил первый капитал, решил начать новую жизнь: открыл сеть ресторанов, инвестировал честно, отмыл своё прошлое, как мог.

А потом появился он.

Малик Имерети

На тот момент — легенда Катара, человек, который держал в руках полгорода. Его имя произносили шёпотом из уважения, страха или из-за того и другого сразу. Монополия на незаконный товар, угрозы, подкуп, давление — его мир.

Мир, где сила была законом, а закон — инструментом, и однажды он вошёл в ресторан Альберта.

Вошёл как буря и предложил вернуться в старые дела.

Альберт совершил первую ошибку — согласился.

Деньги посыпались рекой, жизнь стала яркой, богатой, безнаказанной, они стали напарниками, почти братьями.

Пока их обоих не разрушила она.

Лана.

Одна девушка, которая разделила их жизнь пополам: сначала взгляды, потом ревность, потом ненависть. Альберт был уверен, что она тянется к нему, но однажды услышал слова Малика:

— Она выбрала меня. Значит, она — моя.

Альберта будто ударили в лицо.

— Ты знал, что она мне симпатична!

— Таковы правила, — холодно ответил Малик, разглядывая её фотографию. — У нас больше не будет разногласий. Правда?

В этот миг щёлкнули пальцы, и за спиной Альберта вы-

росли два амбала.

— У нас будет ребёнок, — сказал Малик, почти насмешливо.

Альберт почувствовал, как земля ушла из-под ног.

— Что ж... поздравляю, — произнёс он, стараясь не выдать ненависть.

— Уведите его, — приказал Малик. — Было приятно работать с тобой.

Его избили и выбросили у дома, он едва поднялся на ноги, но не сдался.

Собрал вещи — и уехал.

Сказав себе: «Я вернусь».

Лана

Время шло...

Малик, и я поженились, и месяцы тянулись тёплые, тяжёлые, спокойные. Муж исполнял любой мой каприз. Любой. Иногда даже те, о которых я не успевала сказать вслух — он угадывал, чувствовал, предвосхищал. Малик смотрел на меня так, будто я была не женщиной, а последним лучом света в его тёмном мире.

И так оно было...

Когда я ходила с животиком, он проводил ладонью по мо-

ему животу медленно, будто прикасался к святыне. Стоило ему переступить порог дома, тяжесть дня исчезала: *гнев, ярость, жестокость — всё растворялось в моём дыхании, как будто я была антидотом на его демонов.*

Потом родился Адам.

Маленький мальчик, похожий на него глазами, и мне казалось, что теперь в нашем доме жило две половины его души: светлая и тёмная. Усыпив сына, я вошла в кабинет. Малик сидел у камина, в глубоком кресле, с таким выражением лица, будто огонь разговаривал с ним, шептал ему что-то.

Мужчина, которого боялась половина Катара, сейчас был удивительно тих.

Слишком тих.

Я подошла ближе и села рядом, коснувшись его колена.

— Как прошёл твой день? — спросила мягко.

Он не сразу ответил, только перевёл на меня взгляд. Глаза — тёмные, глубоко посаженные — изучали меня так, будто искали ответ до того, как я произнесу слова.

— Хорошо, любимая, — наконец сказал он. — Он уснул?

— Да. — Я кивнула. — Но ты... ты чем-то встревожен.

Я знала его слишком хорошо. Знала, когда он лжёт, когда скрывает и когда в нём просыпается что-то опасное.

— От тебя ничего не скрыть, — улыбнулся он чуть грустно. — Ты читаешь меня, словно книгу.

И правда, я всегда чувствовала...

Я прекрасно понимала, в чем дело. Альберт вернулся в

Катар год назад.

С женой, женой, которую он никогда не любил, женой, которая была просто декорацией, прикрытием для его одержимости, он всё ещё не забыл меня.

За день до этого...

Я вышла из дома — забрать почту, подышать свежим воздухом. Когда в моих пальцах шуршали конверты, я вдруг почувствовала чужое присутствие.

Тяжёлое и жёсткое.

Чужой взгляд в спину в тёмном переулке и пальцы на моём плече. *Я обернулась — сердце замерло.*

Альберт.

Тот, кого я когда-то знала, тот, кто когда-то смотрел на меня, как Малик...

Только иначе.

Больнее, навязчивее.

Теперь его улыбка выглядела... хищной. Далёкой от радости, ближе к предупреждению.

— Ну, здравствуй, Лана... — протянул он.

Мне стало холодно, несмотря на тёплый вечер.

— Что вы делаете у нашего дома? — спросила я резко.

Он чуть наклонил голову, разглядывая меня, как вещь, которую потерял, но всё ещё считает своей.

— Я пришёл за тобой. — Голос был спокойный, почти ласковый. — Слышал, ты родила ему сына...

— Убирайся, Альберт. — Я отступила назад, сжимая

письма так сильно, что ногти впились в кожу. — Если хочешь жить — уходи. Малик скоро будет дома.

Он усмехнулся, ему нравилось испытывать судьбу, это было видно по глазам.

— Передавай моему партнёру огромный привет, — сказал он, отступая назад. — И не думай, что мы закончили.

И исчез, но оставил после себя туман опасности — густой, липкий, почти физический.

— Да от меня ничего не скроешь, — тихо сказала Лана, обхватив пальцами его запястье. — Я читаю тебя, словно книгу, Малик. Ты сегодня... другой.

Он выдохнул резко, словно собирался долго, прежде чем произнести.

— Альберт вернулся.

Лана на мгновение замерла. Но лицо её осталось неподвижным, только глаза дрогнули, выдавая, что она поняла гораздо больше, чем он сказал.

— Ну и что? — спокойно спросила она. — Почему ты так переживаешь?

Она знала правду. Догадывалась ещё до того, как он признался.

Но не показывала вида, будто боялась разрушить хрупкое спокойствие, в котором он пытался держаться.

— Мы... разошлись с ним не очень хорошо, — сказал Малик, отводя взгляд.

Он не произнёс *«опасно»*.

— Малик, — Лана придвинулась ближе, — нам грозит какая-то опасность?

Он поднял голову, и в глазах его мелькнул страх, но он тут же спрятал его под маской уверенности.

— Нет. Что ты несёшь? — сказал он твёрдо. — Мы в полной безопасности. Он не причинит нам вреда.

Лана не поверила и ничего не сказала.

Они говорили ещё около часа о рабочих делах, о сыне, о пустяках, но в каждом слове чувствовалось напряжение, и вдруг Лана резко сменила тему.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что пообещал мне.

Малик напрягся.

— Я слушаю тебя, любовь моя.

Она смотрела прямо ему в глаза.

— Если меня когда-нибудь не станет... прошу, найди себе женщину, которая будет достойна тебя. И которая сможет воспитать нашего сына.

Малик вскочил на ноги.

— Что за бред?! С чего это вообще взялось у тебя? Какие дурацкие мысли?!

— Малик, никто не знает, что будет завтра..., может, я умру, — голос её был тихим, но уверенным. — Я просто хочу, чтобы ты пообещал.

Малик почти кричал после ее слов.

— Хорошо! Обещаю! Но мне это категорически не нравится! У тебя что-то болит? Ты хорошо себя чувствуешь?!

Она улыбнулась печально, по-женски, будто уже приняла то, чего еще не произошло.

— Всё в порядке. Просто... Ты же знаешь, мне прости-тельно нести такую ерунду.

— Чтобы это было в первый и последний раз, — сказал он строго.

— В первый и последний, — повторила она.

Она поцеловала его в щеку и ушла спать.

Малик остался в кабинете работать, но мысли его были слишком тяжёлыми, чтобы сосредоточиться.

Утро.

Её последнее.

Лана всегда просыпалась раньше всех. Она любила утренние часы, прохладный воздух, тишину и свои розы. Лана вышла в сад, вдохнула аромат мокрой земли и наклонилась к цветам.

В этот момент она почувствовала резкую боль в лопатке, словно удар огнём, она резко обернулась и увидела его.

Альберт Адамия.

А в его руках автоматическое оружие, на лице холодная решимость.

Он выстрелил снова, вторая пуля вошла ей прямо в сердце. Лана рухнула на землю среди своих роз, красные лепест-

ки осыпались по её телу, как смертельный дождь. Альберт даже не посмотрел на неё, просто исчез, будто никогда и не был здесь.

Малик проснулся от плача сына.

Поднялся, пошёл в детскую, взял Адама на руки, тихо успокаивая: — Тише... тише, малыш...

Когда ребёнок уснул, Малик впервые заметил: *дома слишком тихо.*

— Лана? — позвал он.

Ответа не было.

Малик обошёл весь дом, каждую комнату, и чем дальше, тем громче билось его сердце.

— Лана! — крикнул он уже с паникой.

Он вышел в сад и остановился. Мир как будто рухнул. Любимая лежала на земле среди своих роз.

Бледная.

Холодная.

Та, что была его светом, теплом, дыханием, теперь недвижима. Малик осторожно опустился рядом, взял её холодные руки, приложил к губам.

— Лана... Лана... нет... — его голос дрогнул.

Он не позволил себе плакать.

Слёзы были роскошью, которую он не мог себе позволить. Малик знал, кто это сделал. Имя горело внутри него, как яд: *Альберт Адамия.*

Но что он мог? Пойти в полицию?

Если Альберт сдаст его, Малик тоже окажется за решёткой. И тогда Адам останется сиротой. Он не мог рисковать сыном

Он наклонился, коснулся лба Ланы губами.

— Ты навсегда останешься в моем сердце, Лана Имерети,
— прошептал он. — Прости меня, Лана...

И в этот момент внутри него что-то сломалось окончательно.

Человек, которым он был, умер вместе с ней.

Моника

Я не могла уснуть.

Каждое переворачивание на кровати причиняло боль, словно внутри меня резали на кусочки, а мысли о прошлом сжимали сердце в железный кулак. Хотелось, чтобы всё, что произошло за этот месяц, было лишь ужасным сном, который скоро закончится. Но это была реальность, слишком жестокая, чтобы её игнорировать.

Первое июня.

Ужин, который должен был стать символом нового начала, был отменён. Впервые за все годы существования этот ритуал был разрушен, и наша помолвка была проведена в этот день.

Мои утра начинались одинаково: Леон навещал меня, осыпал комнату подарками, заботливо следил за моим состоянием. Он был рядом, но ненавязчив, пытался создать чувство безопасности. И всё же в глубине души я ощущала пустоту, где раньше был Адам.

«Адам...» — мысли о нём ворочались внутри, как шипы.

«Он убил человека. Он мог бы убить и меня. А что, если его холодная жестокость спрятана глубже, чем я думала?»

— Уф, Моника, выкинь это из головы! — сказала я вслух, схватившись за виски, словно это могло остановить вихрь мыслей.

— Душа моя, ты готова? — слышался голос Леона за дверью.

— Скоро спущусь! Жди меня на улице! — ответила я.

Леон был осторожен, но иногда я замечала в его глазах тревогу, словно кто-то постоянно преследовал его в жизни. Я шла по пути забвения, пытаюсь вычеркнуть Адама, но тень прошлого не отпускала.

Я рассказала Леону всё, кроме самой страшной правды о моём бывшем — что он убийца. Он слушал, кивал, и его глаза светились пониманием. И тогда я впервые почувствовала, что можно доверять человеку после ужаса, который я пережила с Адамом. Леон не умел красиво любить. Он не был идеалом страсти или рыцарства. Но он терпел мои капризы, уважал меня, знал границы. Иногда я ловила себя на мысли: *«Адам был другим... Его любовь была доказана по-*

ступками».

Да, Леон не доказывал любовь через жестокие усилия, но он делал это через заботу и терпение, через моменты, когда он был рядом, когда мне это было нужно, и это оказалось не менее сильным.

Мы спустились к машине.

Я села рядом, погружённая в собственные мысли. Леон заметил это, но не упрекнул. Он просто взял мою руку в свою и сжёг этим касанием ту пустоту, что жила во мне.

Мы приехали в старое место, то самое, где когда-то с Адамом всё было впервые и в последний раз одновременно.

— Что мы тут забыли? — тихо спросила я.

— Хочу поговорить о нас, — ответил Леон.

— Хорошо. Я слушаю, — сказала я, кивнув.

Он встал, подошёл ко мне, и на одно колено достал маленькую коробочку.

— Моника Альбертовна, готова ли ты разделить со мной всю свою оставшуюся жизнь?

Я замерла.

Сердце бешено стучало, но губы выдали лишь лёгкую улыбку и сухость.

— Да.

Леон надел кольцо на мой палец, поднял меня на руки и начал кружить, смеясь.

— Леон! — рассмеялась я, чувствуя себя одновременно лёгкой и потерянной. — Отпусти меня!

— Я счастлив! — кричал он. — Ты моя!

На мгновение я представила Адама, вместо Леона.

Внутри всё сжалось от боли и утраты.

— Я сделаю всё, чтобы ты была счастлива, — сказал Леон, целуя меня в лоб.

— Я попробую... — шепнула я.

— Что? — он удивлённо посмотрел.

— Полюбить тебя... — я взглянула ему прямо в глаза. — Я не люблю тебя.

— Моей любви хватит на нас двоих.

И тогда этим вечером случилось то, чего я ждала и чего боялась. Леон осторожно взял меня в свои руки, ощупывая каждую деталь, чувствовал каждую дрожь.

Я впервые позволила себе забыться, довериться полностью. Он понял, что моё тело уже было тронут другим, но это не остановило его. Он принял меня целиком, со всеми шрамами души и тела.

Это был момент, когда страхи прошлого и тьма внутри меня смешались с новой страстью.

Мысли об Адаме растворились на мгновение, оставив лишь боль, тепло и новую надежду. Мы провели весь день вместе, иногда молча, иногда улыбаясь. Когда начало темнеть, я захотела домой.

— Леон, поедem домой, уже темнеет.

— Душа моя, всё, что угодно для тебя, — сказал он.

Мы ехали в полной тишине. В этой тишине я осознала,

что страхи из прошлого можно принять и превратить в силу, если рядом окажется такой мужчина, как Леон.

Айла сидела на балконе, облокотившись на спинку кресла, и смотрела на Персидский залив.

Вечерний воздух был теплым, но её мысли метались между прошлым и будущим, между безопасностью и тем, чего она действительно хотела.

Новость о том, что Адам объявил о своей невесте, сначала наполнила её радостью, но спустя несколько часов она узнала, что никакой невесты больше не существует.

В тот день её брат потерял любовь всей жизни, а Айла потеряла связь с частью самой себя.

Её мысли снова вернулись к Лави, к тайной любви, которая длилась с шестнадцати лет. Его обещания, их ночные звонки и тайные встречи всё это казалось хрупким и одновременно единственным, что удерживало её.

Айла

Общались с Лави мы около двух лет...

Он уехал за границу по работе, но даже тогда я была влюблена в него всей душой. Мы обменялись контактами и никакими в социальных сетях, чтобы хоть как-то поддерживать связь. Через год, на мой восемнадцатый день рождения, он предложил мне стать его девушкой, и я, не раздумывая, согласилась.

Потому что любила...

Все это время наши отношения были на расстоянии, и, чтобы скрыть их от семьи, мы старались общаться ночью. Мой отец категорически был против того, чтобы у меня был парень и будущий муж из другого круга.

Но я была готова сбежать с Лави на край света.

Он обещал, что после завершения своих дел вернется в Катар и первым делом поговорит с отцом.

Но реальность оказалась иной...

Тот день, когда он вернулся, я заранее договорилась о встрече в парке недалеко от туристических отелей.

Сев в беседку и разглядывая шумные улицы вдали, я пыталась успокоить сердце. В голове крутились мысли: «*Как он отреагирует? А как будут развиваться наши отношения?*»

Я даже не заметила, как он подошёл сзади. Решив подняться, чтобы встретить его взгляд, я вдруг ощутила лёгкое прикосновение его рук к моим плечам. Он обхватил меня сзади, осторожно, словно проверяя мою готовность.

— Ты пришла... — тихо сказал он, дыхание касалось моей шеи.

— Ты... — я не смогла договорить, потому что он аккуратно развернул меня к себе. Взглянув в глаза, я увидела смесь тревоги и нежности.

Он прижал меня к себе, но не слишком сильно, не нарушая границ. Его ладони скользили по моим рукам, слегка касаясь, вызывая дрожь, но не переходя черту.

В этот момент я впервые почувствовала одновременно и тепло, и страх — ощущение, что он рядом не случайно, что он контролирует пространство вокруг нас, но не причинит вреда.

— Айла... — его голос был тихим, глубоким, с ноткой странной силы. — Ты знаешь, что я никогда не причиню тебе боль.

Я закрыла глаза, вдыхая его запах, ощущая каждый его жест.

Он не лишал меня невинности, но каждое прикосновение оставляло ощущение того, что он способен защитить и одновременно владеть этим моментом.

— Лави... — шепнула я, не в силах оторвать взгляд. — Почему ты...?

— Потому что я не могу иначе, — сказал он, чуть сдвинув ладонь с моего предплечья на мою талию, едва касаясь. — Я рядом, чтобы ты знала, что тебе не нужно бояться.

Я почувствовала, как мир вокруг исчезает, оставляя только его силу и мою слабость. Это было странное ощущение близости, где не было физического страха, но была опас-

ность эмоций.

Мы простояли так несколько минут, ощущая молчание, которое было громче слов. Он отпустил мою талию, но его взгляд продолжал держать меня.

Я понимала, что, между нами, что-то изменилось, но тайна и сдержанность оставались.

— Мы всё решим, Айла, — сказал Леон, наконец, мягко, но с той же уверенностью. — Просто дай себе время.

Я кивнула, пытаюсь собрать мысли, но внутри что-то дрожало.

Он ушёл, оставив меня с мыслями, где ветер шептал о страхе и предчувствии, о желании и запрете.

Я знала одно: *он мог касаться меня, быть рядом, но никогда не пересечёт ту черту...*

После я пошла домой, а Лави — к друзьям.

Войдя во двор своего дома, я внезапно ощутила тяжесть чужих рук на своих плечах — кто-то резко схватил меня и отводил в сторону. Обернувшись, я встретила взгляд матери, строгий и холодный.

— Айла! Где ты была? — шепча и слегка повышая голос, спросила мама.

— Мама... с девочками из лица встретились, — отводя взгляд и сжимая кулаки, тихо ответила я, стараясь сохранить спокойствие.

— Дочка, хотя бы мне не ври... скажи мне прямо! — в голосе матери сквозила сталь, и я почувствовала, как внутри

сжимается комок тревоги.

— Мама, я... я... — слова застряли в горле.

— Ну, дочка, не тяни! — мать сделала шаг ближе, её глаза обжигали взглядом.

— Лави приехал.

Я замерла на месте.

— Беда на мою голову. И что? — продолжала мама, и голос стал почти тихим, но от него морозило.

— Мы просто встретились и поговорили... — попыталась объяснить я, но было бесполезно что-то говорить, чтобы успокоить мою маму.

— Бесчестная! — мама резко дала пощёчину, осмотрев меня с ног до головы, словно оценивая каждую клетку, каждую деталь, пытаясь увидеть во мне какую-то измену. — В комнату! И чтобы ни шагу за пределы дома без ведома отца и меня!

Я чувствовала, как кровь стынет в жилах. Каждый жест мамы, каждый взгляд был наказанием и испытанием одновременно. Я хотела кричать, хотела спорить, но я знала прекрасно, что здесь нет места для сопротивления.

Комната, куда меня отправила мама, стала одновременно убежищем и тюрьмой.

Сев на кровать, я обхватила колени руками и почувствовала, как внутри растёт тревога, смешанная с гневом и стыдом. Лави, с которым я только что встретилась, казался далеким и недостижимым, словно иллюзия, которую нельзя бы-

ло удержать. Тишина комнаты была гробовой, только ветер, скользящий по занавескам, шептал мне о мире, где мы вместе с Лави, который теперь казался чужим и опасным.

В этот момент я поняла, что моя жизнь больше не будет прежней. Мама будет контролировать каждый шаг, каждое движение.

С этого дня наше общение с Лави прекратилось, спустя несколько месяцев мне вернули мобильный телефон, и я вернулась к учебе. Меня впервые выпустили одну из дома на учебу. Когда я позвонила Лави, я чувствовала себя виноватой. *«А вдруг он больше не любит меня?»* — подумала я.

Гудки...

Лави: — Да, я слушаю. — Спокойно ответил он.

Айла: — Лави, это я, Айла. — Сдерживая слезы, говорила я.

Лави: — Ну и? Где ты пропадала всё это время?

Айла: — Моя мама узнала о нас, Лави, давай сбежим, мирно этот вопрос не решится.

Лави: — Айла, скажи мне, где ты сейчас, я приеду.

Айла: — Я вышла на учебу.

Лави: — Хорошо, я буду где-то через час, будь позади здания у запасного входа, жди меня там.

Айла: — Хорошо, Лави, я жду тебя...

Лави: — Давай, до встречи...

Мне не понравилось то, как он ответил. Хотя его можно понять, ведь я резко пропала на несколько месяцев. Ни

звонка, ни сообщения от меня. Я решила, что не пойду на занятия, буду ждать позади здания. Стояла у перил лестницы входа, закрыв глаза, стараясь успокоить себя внутри, она резко открыла глаза и издалека увидела его.

— Вернулась? — прозвучал знакомый мужской голос.

Меня трясло от нашего дальнейшего разговора.

— Я... — начала заикаться Айла.

— Айла стой, я не буду долго говорить и не хочу тянуть.

— Да, я слушаю. — Глядя на Лео с улыбкой, но в то же время с некоторой опаской.

Я подошла ближе к нему, но он грубо оттолкнул меня и прислонил к стене.

— Что ты делаешь?..

— Страшно стало? — его голос был низким и холодным.

— А теперь слушай меня, ты мне никогда не была нужна.

Я хотела дать ему пощечину, но он резко схватил мою руку. После этого мне стало действительно страшно, он громко засмеялся, но в его смехе слышалась странная игривость.

По моим щекам текли слезы, я чувствовала себя униженной и одновременно очарованной.

— Ой, ну не надо этот спектакль передо мной устраивать.

— *Я думала, что, доверившись тебе, буду чувствовать себя так, будто за каменной горой, под твоим крылом...*

— *Я тебя никогда не любил.*

— *А ты оказалась обрывом и орлом без крыльев.*

— Я говорю как есть, а то, как ты воспримешь это, — твои

проблемы.

— Уходи! — крича, говорила я, отталкивая его от себя.

— Прощай, ангел. — С насмешкой и издевкой произнес он.

Развернувшись, Лави направился к автомобилю, сел и завел мотор. Но, прежде чем он уехал, его рука коснулась моего локтя лёгкое, почти невесомое прикосновение, но достаточно сильное, чтобы я почувствовала холодок по спине.

Я замерла, сердцебиение ускорилось.

Я осталась стоять в шоке и непонимании: *«Тогда зачем? Зачем ему нужна была я?» «Я позор семьи».*

И в этот момент мне так хотелось поделиться с кем-то, мне так защемило в груди.

Но поделиться своей болью мне не с кем...

Я начала накручивать себя, мои мысли не давали мне покоя: *«Нужно было прислушаться к маминым словам».*

Айла передумала идти на занятия и решила отправиться домой. С каждым шагом сердце билось всё быстрее, тревога и чувство опасности словно нарастали изнутри. Она спустилась к стоянке, но сразу заметила, что водитель отсутствует, а ключи остались в машине.

На мгновение замерла, осознавая, что что-то не так.

Сев в автомобиль и аккуратно закрыв за собой дверь, Ай-

ла устроилась на сиденье, пытаясь успокоиться. Она положила сумку на заднее сиденье и вдруг обернулась.

Внутри машины сидел водитель, без сознания, с расслабленными чертами лица. В груди Айлы всё сжалось: *«Ей грозит опасность»*. Паника не дала разгореться крику — она знала, что в этом случае каждое лишнее движение может стоить жизни.

Айла быстро достала телефон и набрала отца.

— Айла, у тебя что, занятия закончились? — голос отца прозвучал встревоженно.

— Папа, я села в машину, и тут водитель без сознания, — ответила Айла, пытаясь сохранить спокойствие.

— Немедленно уходи оттуда!

Айла выскочила из машины, делая пару резких шагов, когда вокруг раздались выстрелы. Она едва успела увернуться от первых пуль, но одна всё же попала, поранив.

Айла рухнула на холодный асфальт, ощущая, как кровь стекает по ноге, но сознание ещё удерживало её страх.

Всё происходящее казалось нереальным, словно она оказалась в замедленном фильме, где каждый звук и движение тянулись бесконечно. Тем временем преступники исчезли так же внезапно, как и появились, не оставив ни следа.

К месту происшествия вскоре сбежались сотрудники учебного заведения, зазвенела сирена скорой помощи, прибыли полицейские.

Всё происходило молниеносно, но Айле казалось, что вре-

мя остановилось. Внутри неё росло ощущение уязвимости и бессилия.

Когда она пришла в себя в больнице, Айлу охватило чувство ужаса и отчаяния. Отец стоял рядом, сжимая её руку, глаза его были полны гнева и тревоги.

— Айла, ты больше никогда не сможешь быть одна. Ни учёба, ни прогулки, ни встречи без охраны. Ты теперь понимаешь, что значит быть моей дочерью? Понимаешь, почему я так настаиваю на том, чтобы Адам занял мое место?

Айла кивнула, понимая, что прежней свободы больше не будет, и внутри души поселилась смесь *страха, злости и бессилия*.

Наши дни

Посидев ещё немного у себя в комнате и взглянув на телефон, Айла заметила, что на часах уже вечер, скоро ужин. Она медленно поднялась и решила спуститься вниз, но, проходя мимо кабинета отца, услышала повышенные голоса.

Айла замерла.

Дверь была прикрыта не полностью, и каждое слово пробивалось наружу.

— Пусть едет в эту чёртову Америку! — голос Малика гремел, как раскат грозы. — Дела отца для него ничего не

значат!

— Малик, — спокойно, но твёрдо ответила Даляя. — Ты должен понять парня. Он ещё молод, ему нужно как-то себя отвлечь, тем более после недавних событий...

— Даляя, — голос Малика стал опасно тихим. — Если бы я изначально знал, что она его дочь... Как он мог скрыть эти отношения от нас?! Мне пришлось встретиться со своим врагом из прошлого. Из-за него! Ты думаешь, я забыл, почему в Айлу стреляли?!

У Айлы перехватило дыхание.

Она почувствовала, как внутри всё сжалось, будто кто-то холодной рукой схватил её сердце.

— Малик, не преувеличивай. Не нужно снова ворошить прошлое... — пыталась остановить его Даляя.

— Прошное? — он резко рассмеялся. — Моя дочь чуть не умерла у меня на глазах! И сейчас всё повторяется... та же картина, что и очень-очень давно...

— Малик...

— А сын? — продолжил он глухо. — Кто знает, что будет с моим сыном в этой Америке?

— Всё будет хорошо, — мягко сказала мать. — И, пожалуйста, не дави на Адама. Если парень не хочет участвовать в этих делах, не заставляй его.

— Мой сын не будет всю жизнь драться и разезжать по городам! Я не хочу! — рявкнул он. — Адам продолжит моё дело.

— Это его выбор! — голос Далии задрожал. — Он уже не ребёнок, Малик. Он участвует в делах холдинга. Чего тебе ещё?

— Он будет участвовать и помимо холдинга... — напрягаясь мужчина. — В нашем деле.

— Адам не хочет! Пойми же ты его! Ты хочешь, чтобы он жил в страхе так же, как мы? Малик, ты забыл, что ты сделал с собственным сыном, когда ему было восемнадцать?! Ты заставил его выстрелить человеку в голову! После этого он и ушёл в бои. Так что лучше — убивать или сражаться на ринге?! Хочешь, чтобы твое прошлое повторилось с нашим Адамом?!

Раздался резкий звук.

Пощечина.

Далия не вскрикнула. Не заплакала. Просто замолчала, всё внутри неё оборвалось.

— Я сам разберусь, что лучше для моего сына! — холодно произнёс Малик. — И запомни: и в нелегале, и в легальном бизнесе убивают тех, кто предал. Это закон.

Далия ничего больше не сказала. Она стояла, отвернувшись, словно каждое его слово ломало что-то внутри неё. Айла отступила от двери. Её дыхание участилось, пальцы дрожали. Она вернулась в свою комнату. Аппетит исчез полностью сердце болело — тяжело, бессильно, безысходно.

Она набрала брата, но последовала тишина, он не отвечал.

— Наверное, Адам уже в самолёте. . . — прошептала Айла.
Так проходили её дни в доме — тягучие, полупустые.

Она отпустила своего любимого, хотя сердце сопротивлялось. Сделала вывод, который резал душу: *однажды человек, которого ты любишь, которому доверяешь, может уйти в любую секунду. Оставить тебя с пустотой внутри. Плюнуть в душу и шагнуть дальше, будто ничего между вами никогда не было. Хотя... какие моменты он должен помнить?*

Если для него они, возможно, и не были прекрасными.

Айла закрыла глаза, её мир стал холоднее, гораздо холоднее.

Перед глазами Малика продолжали вспыхивать и угасать тени прошлого, будто кто-то листал старый альбом слишком быстро, слишком резко. Лана стояла среди тех самых роз, её лёгкое платье колыхалось на ветру, а улыбка. . .

Та улыбка, которой он больше никогда не увидит.

Тепло фотографии в руках казалось обманом — тепло неживой бумаги, не её кожи, не её дыхания. Но этого хватило, чтобы вырвать из его груди очередную тяжелую, обжигающую слезу. Слеза, подобная расплавленному металлу, плотная от боли, горячая от тоски. Он позволил ей упасть.

Впервые за много лет.

Но время для слабости закончилось так же быстро, как и началось.

— Господин, они подъезжают. Я прикажу, чтобы при входе...

— Не нужно, — перебил Малик, — главное — будьте на чеку. От него можно ждать чего угодно.

Имя не требовалось произносить. Никон понял сразу.

Альберт Адамия.

Их история — это не просто прошлое. Это незаживающий шрам, который снова собирались сорвать.

Причина встречи — их дети, и результат их сегодняшней встречи мог быть кровью.

Малик смотрел, как колонна автомобилей поднимает пыль. Как охрана окружает центральный джип и открывается тяжелая черная дверь. Альберт вышел так, будто владел этим миром. Именно так он всегда и делал. Но Малик не дрогнул. Лишь поднял взгляд к небу — тёмному, густому, и позволил себе закрыть глаза.

Лана была рядом...

Он чувствовал это в покалывании кожи, в толчках сердца, в том, как внезапно подул тёплый ветер.

— Она здесь, — прошептал он и открыл глаза уже холодным хищником.

— Ну здравствуй, — ухмыльнулся Альберт.

Малик ничего не ответил.

Только жестом показал идти за ним. Они вошли в забро-

шенное здание — то самое, где когда-то всё закончилось. И где сегодня всё должно было быть поставлено точкой.

Они сели друг напротив друга, стол между ними был словно граница между мирами — прошлым и настоящим.

— Я не буду тянуть, — начал Малик. — То, что произошло с Айлой... Я считаю оскорблением. Предупреждением. А я предупреждений не люблю. Если тронут моё — я уничтожу.

Альберт нервно постукивал ногой, и Малик заметил это.

— Ты не бойся, Альберт, — холодно бросил он. — Я же ещё ничего не сделал.

— О, я знаю, — хмыкнул тот. — Но ты забыл кое-что. Я тоже умею быть жестоким. Когда трогают моё — я ломаю. И ты это прекрасно знаешь.

Эта ухмылка...

Именно она когда-то стоила Малику больше, чем жизни. Она стоила ему Ланы.

В груди поднималась буря — рвущая, дикая. Но Малик удержал её. Лана ведь всегда говорила: *«Контролируй себя. Иначе ты превратишься в того, кого презираешь»*.

— Ещё раз увижу кого-то из твоих людей возле моей семьи — я отомщу. За дочь. — Голос Малика стал низким, почти звериным.

— Ты ошибаешься, — резко перебил Альберт. — Не мои люди стреляли в неё. Я бы не перешёл эту черту. Я понимаю, что произошло между нашими детьми... но в покушении —

не я замешан.

Малик внимательно смотрел в его глаза. Он знал Альберта так, как никто другой. Он умел отличать ложь от правды.

Сейчас... тот не врал.

Малик встал. Подошёл близко. Смотрел сверху вниз.

— Ты действительно говоришь правду.

Альберт усмехнулся.

— Нам пора заканчивать. Видел время?

— Я не наблюдаю время, — отрезал Малик.

Тишина снова нависла, тяжёлая, как свинец.

— Я скажу напоследок, — вздохнул Альберт. — Я настроил свою дочь против твоего сына.

— Не волнуйся, — сухо произнёс Малик. — Он не приблизится к ней. Ты за это можешь не опасаться. Если бы я знал раньше... Я бы не допустил этого. Прощай.

И всё на этом закончилась встреча двух мужчин, чьё прошлое — чёрная воронка. Малик вышел первым, и холодный ночной воздух ударил в лицо.

Кто стрелял в Айлу?

Этот вопрос жёг его сознание, как паяльник.

Не Альберт, тогда кто?

По дороге домой все мысли сводились к дочери.

Он уже издали увидел её — на балконе, свернувшуюся в кресле.

Пустой взгляд. Девушка, которой явно грязно вырвали сердце.

— Значит, всё дело в тебе, Айла... — прошептал он.

Адам положил телефон на стол и задержал взгляд на фотографии Моника — единственной, что он когда-то сохранил. Эта карточка была чем-то вроде реликвии, напоминаем о том, чего уже нет и не будет.

С того дня, когда всё между ними закончилось, Адам почти не возвращался к её образу. Он предпочитал помнить себя без неё, а её как тень, которая когда-то умела быть светом. Но сегодня впервые за долгое время он позволил себе посмотреть ей прямо в глаза — пусть и через чертову слегка помятую фотокарточку.

Сегодня он решил порвать с прошлым, с городом, с отцом, с Моникой и самим собой в этом городе.

Адам встал с кресла, приблизился к камину и, не отводя взгляда, бросил фотографию в огонь. Бумага вспыхнула мгновенно.

— Прощай, Моника... — прошептал он холодно.

Отражение в зеркале показало ему нового себя чужого, жёсткого, собранного. Он поправил воротник рубашки, сделал глубокий вдох и вышел из комнаты. Спускаясь по мраморной лестнице, он услышал голос отца.

Резкий, взвинченный.

Адам остановился перед массивной дверью кабинета, вы-

дохнул и постучал.

— Отец?

— Проходи, Адам.

Малик выглядел так, будто несколько часов держал в руках не власть, а собственный страх. Его седые волосы были зачесаны неровно, словно он провёл по ним пальцами в бешенстве. Пепельница переполнена окурками, стакан с коньяком пуст — а это был тревожный знак. Малик пил только тогда, когда происходило что-то по-настоящему серьёзное.

Адам сел напротив.

— Ты не должен уезжать, сын... — голос дрожал. В глазах отца блестели слёзы. Настоящие, мужские, словно расплавленный свинец.

Малик вспоминал Лану снова, ее смерть и свою вину.

Сейчас, глядя на Адама, он видел, как судьба снова тянет из его рук самое дорогое.

— Я уеду, отец. Меня здесь ничего не держит. И твоими грязными делами я заниматься не буду.

— Как это «*ничего не держит*»?! — Малик вскинулся. — А семья?!

— Я буду приезжать.

— Это всё из-за той девчонки! — рявкнул Малик. — С её появлением в твоей жизни начались проблемы!

Адам резко поднялся.

— Проблемы? Ты серьёзно? Ты забыл, отец, что ты по уши в криминале? Все проблемы от этого! Выстрел в Айлу

— это последствия твоего темного мира! Несчастья случаются не потому, что я кого-то полюбил, а потому что ты выбрал эту грязь! Ты тащишь нас туда, где нет будущего. Всё, что произошло, всё из-за тебя!

Каждое слово Адама летело в Малика, как ножи.

«Твои грязные делишки уничтожат нашу семью.»

«Всё из-за тебя.»

«Несчастья — из-за тебя.»

Эти фразы отзывались эхом прошлого Лана: *кровь, ее глаза... и его бессилие.*

Малик слышал голос сына, но внутри слышал только один — женский: *«Малик... Остановись...»*

Мужчина поднялся, подошёл к сыну вплотную.

— Рано или поздно ты займёшь моё место. Придётся, а теперь выйди.

— Я никогда не займу твоё место. До свидания, отец.

Адам развернулся и вышел из кабинета. Его рука уже лежала на дверной ручке входной двери, когда он вдруг ощутил тёплое прикосновение к плечу. Он резко обернулся — готовый сорваться — но застыл.

— Мама...

Далия смотрела на него со слезами в глазах. Она обхватила его лицо ладонями, как в детстве.

— Сынок... куда ты собрался?

— Мама... — голос дрогнул, впервые за ночь.

— Езжай, — прошептала она. — Я не против. Но уезжать

без благословения отца — плохая примета...

— Мне не нужно его благословение. Только твоё. — Он медленно поцеловал её руку. — Благослови меня, мама.

Далия прижала его к себе, крепко, как будто боялась отпустить.

— Благословляю, сынок...

Адам взял чемодан, вышел из дома и не обернулся.

Ни разу.

Даже тогда, когда двери автомобиля захлопнулись за его спиной и когда самолёт поднялся над ночным Дохой. Он оставил позади всё, что когда-то считал судьбой.

Впереди была новая жизнь.

Айла

Я ходила по комнате взад-вперед, слыша крики, которые были по всему дому, словно запертая птица, которой не хватает воздуха. Адам не отвечал мне на сообщения и даже не попрощался со мной.

Он уехал...

Снова уехал в Америку, только в этот раз уже навсегда...

Адам оторвал себя от нашей жизни так резко, будто вырвал корень с мясом.

Вечер давил, я слышала шаги.

Дверь в мою комнату мягко приоткрылась, вошла мама. Выглядела она постаревшей на несколько лет: тревога исчертила под глазами тени.

— Мам?.. — Я почувствовала, как что-то ледяное подымается к горлу.

Она села рядом и молча положила на кровать чёрный шарф Адама.

— Он... уехал, Айла, — тихо произнесла она.

— Теперь уже насовсем, верно?

— Да...

Словно в сердце вбили гвоздь. Я не плакала. Не дышала. Только смотрела в одну точку перед собой, как будто пыталась ухватиться взглядом за реальность.

Но мама продолжила.

— И ты должна знать кое-что ещё, милая...

— Что? — Мой голос сорвался.

— Ты взрослая. Ты заслужила правду.

Я чуть повернула голову. В горле стоял ком. Мама вздохнула, словно готовилась шагнуть с высоты.

— У Адама... была другая мать.

Я моргнула, не сразу понимая суть.

— То есть... Ты... Подожди, я не понимаю...

— Я не его мать, — мягко, но тяжело сказала мама. — Я только его мачеха. Вошла в его жизнь, когда он был маленьким, совсем младенцем.

Я опустила глаза.

— Лана погибла.

Я закусила губу, почувствовав боль.

— Значит... Адам не знает, что ты не его мама? — Мой голос дрогнул, а в глазах застыли слезы.

— Да, — тихо ответила она. — Он потерял её слишком рано. И слишком больно. Малик не любит вспоминать то время... Потому что во многом считает себя виноватым. Он очень любил свою первую жену...

Очень любил первую жену...

Боль, с которой мама живет всю жизнь.

— Поэтому он смотрит на тебя так безразлично? — Спросила я маму, и она тут же с болью кивнула. — Мама, Адам уехал... один. Совсем один, никого из охраны даже нет рядом...

— Да. И... возможно, так ему будет легче. Подальше от всех этих тайн, от прошлого... От боли.

Я сделала шаг назад.

— Он уехал... и даже не попрощался со мной.

В моём голосе была не истерика, а пустота. Мама осторожно коснулась моей руки.

— Он не хотел ранить тебя, дочка. Адам очень любит тебя, ты его сестра, именно ты была последней искрой в этом доме. Ты прекрасно знаешь, что приезжал он в гости не к отцу всё это время, а ко мне и к тебе.

Я покачала головой.

— Всё из-за папы... Чего только не пережил брат, так тут еще и давление отца на него. — Я подняла глаза на маму. — Когда-нибудь Адам все же вернется, и я уеду с ним... Не позволю папе решать и мою судьбу.

Далия направилась в кабинет к Малику, она не стучала, просто открыла дверь. В её глазах не было ни слёз, ни слабости, только холод.

— Адам уже покинул этот дом, Малик, а ты даже не благословил сына.

Малик молчал.

Он даже не посмотрел в сторону жены, только крепче сжал край стола, словно удерживал что-то внутри, что вот-вот вырвется наружу.

— Позови испанку Валентину, — вдруг холодно произнёс он.

Далия моргнула, не понимая.

— Зачем тебе Валентина?

— Если я сказал позвать — значит, так нужно.

— Хорошо...

Кто такая Валентина?

Испанка Валентина не была простой гадалкой или уличной колдуньей. Она была женщиной, чьё имя в их мире проносили шёпотом. Той, что видела прошлое, настоящее и то, что не должен знать ни один человек. Она говорила с мёртвыми так же спокойно, как другие — с живыми. И если Валентина приходила в дом значит, беда была уже на пороге.

Далия накинула пальто и вышла.

Но едва она открыла дверь дома Валентина уже стояла перед ней, словно тень, ожидающая момента.

Ветер играл её тёмными, почти чернильными волосами. Глаза такие глубокие, что в них можно было утонуть они смотрели прямо в душу.

— Беда ждёт мужчину, который покинул этот дом, — про-

изнесла она тихим, но ледяным голосом.

У Далии перехватило дыхание.

— Валентина, заходи... Поговорим внутри, на улице холодно. Тебя ждёт...

— Я знаю, кто меня ждёт, — перебила испанка. — Я сама поднимусь, ты иди за мной.

Когда они вошли, Малик стоял у окна, не оборачиваясь. Его силуэт был напряжён, словно сжатая пружина. Испанка села напротив него.

— Ты не благословил сына, — тихо, почти устало сказала она.

Она качнула недовольно головой.

— Если бы ты дал ему благословение, у него был бы щит. Ах, Малик... Что же ты наделал...

Он медленно повернулся.

— Говори.

Глаза Валентины слегка побледнели — так бывало всегда, когда её взгляд уходил туда, куда людям смотреть нельзя.

— Его ждёт беда.

— Какая?

— Я вижу... Адам пьёт. И то, что он пьёт — это не алкоголь. Это яд.

Он разрушит его изнутри. Он приведёт его к смерти, если никто не остановит.

Далия закрыла рот рукой.

— Кто? — Малик шагнул вперёд. — Кто захочет убить

моего сына?

Валентина не моргала.

— Новый враг.

— Имя?!

— У него... много имён.

Она нахмурилась.

— Я пытаюсь увидеть его лицо... но не могу.

— Почему?!

Испанка тяжело выдохнула, её пальцы сжались в подлокотники кресла.

— Она не даёт мне смотреть дальше.

Малик нахмурился.

— Кто... она?

Валентина подняла свой тёмный взгляд на мужчину.

— Лана.

Сердце Малика остановилось.

На секунду, но этого хватило, чтобы комната стала холоднее.

— Что?.. — его голос стал хриплым. — Почему Лана вмешивается?

— Потому что ты не должен знать. Её душа стоит на границе того мира и этого. Потому что она всё ещё защищает то, что любила. Потому что она видит: то, что будет с твоим сыном, неизбежно.

Малик сделал шаг назад.

— Ты хочешь сказать...

— Да, — мягко ответила Валентина. — Ты не сможешь предотвратить то, что его ждёт. Ты сможешь только быть рядом... когда придёт момент.

Даля плакала молча, Малик стоял немой и пустой. Валентина поднялась и, посмотрев на Далию, шагнула к ней.

— Береги дочь Даля, потому что ее судьба сейчас между небом и землей.

— А Адам?! — переспросила Даля.

Испанка посмотрела на Малика и его жену в последний раз.

— Его судьба уже идёт к нему. И никто — даже ты — не в силах её остановить.

Она ушла, оставив за собой запах дыма, страха и смерти.

Адам

Я переоделся в раздевалке и привычно обмотал кисти бинтами, затягивая их до предела, чтобы пальцы онемели, затем надел перчатки.

Том стоял рядом, разбирая вещи.

— Тебе какая-то девушка передала пакет.

— Что там? — спросил я, не подходя.

— Посмотри для начала...

Он хмыкнул, вытаскивая из пакета мягкого плюшевого медведя и открытку.

— Мишка. Открытка... Кто вообще дарит это бойцу?

— А что написано? — спросил я.

Том прищурился.

— На, сам прочитай. — Он передал мне карточку.

На белом картоне — красные буквы: «*Желаю удачи!*»

— Дай бутылку, — сказал я.

— Вода закончилась. Девчонка сейчас принесёт.

И в этот момент дверь со стуком распахнулась, девушка в медицинской маске почти вбежала внутрь.

— Я принесла воду!

Она поставила бутылку и тут же, не поднимая глаз, ушла.

— Лови, — бросил мне Том, и я поймал бутылку.

Открыл.

Сделал глоток и затем мгновенно ощутил странный привкус.

— Почему вода кислая? — нахмурился я.

— С лаймом, наверное. Видно, налила из барной.

Я посмотрел на бутылку, перевёл взгляд на дверь, пора на выход.

— Ладно. — Я допил воду до конца. — Пойду.

Когда я вышел из тоннеля, рёв толпы ударил в голову, как взрыв: плотный, вязкий, оглушающий. Свет прожекторов бил в глаза, будто пытался прожечь насквозь. Я быстро

оглядел зал в поисках одного лица.

Её лица.

Но увидел лишь сотни незнакомых и тех, кто хотел видеть мою кровь или мою победу. Всё равно эти люди всегда вызвали у меня отвращение, они кормились чужой болью, как гиены.

— Адам! Стой!

Я раздражённо обернулся.

— Что ещё?

Том подошёл ближе, понизив голос.

— Будь внимателен. Я вижу, как твой разум блуждает. Ты ищешь её глазами.

Я скривился.

— С чего ты взял? Никого я не ищу.

— Я тебя знаю всю жизнь, придурок.

— Потом поговорим. — Я натянул на лицо фальшивую ухмылку и отвернулся.

— Будь внимателен, Адам!

— Ты всё?

— Да! Иди и порви его!

Соперник — Леон Акселили — стоял напротив, разминая шею.

Глаза были налитые злостью, и в них читалось, что он хотел не просто победить — он хотел уничтожить.

Гонг.

Он бросился на меня мгновенно, справа, затем снизу ап-

перкот, я еле успел уйти от удара. Его ботинок соскользнул по настилу, цепляя мою ногу.

— Хочешь играть грязно? Хорошо, — прорычал Адам, резким движением наклонившись вниз, упёршись ладонями в пол, и взмахнув ногой, вlepил ступнёй прямо в лицо противнику.

Попадание.

Леон отшатнулся, но Адам уже добивал второй ногой, вращаясь и возвращаясь в стойку.

— Адам, соберись! — кричал Том.

Но Леон не сдавался.

Ложный выпад слева — удар прямо по ребрам. Боль пронзила тело, дыхание стало рваным. Солёный вкус крови наполнил рот.

— Чёрт! — выдохнул Адам.

И тут Адам почувствовал странное, внутреннее ощущение: *как будто что-то ломается не только в теле, но и внутри сознания.*

Леон обрушился с серией ударов, каждый из них был точным, и смертельно опасным. Адам пытался отвечать, но его тело предавало, мышцы дрожали, дыхание сбивалось.

— Адам, стойте! — кричали судьи и врачи, но Адам слышал лишь гул в ушах.

— Мона... — пробормотал он, и мир вокруг померк.

Сердце билось рвано, дыхание сбивалось, кровь жгла рот. Леон отступил на шаг, наблюдая, как Адам теряет сознание прямо на ринге. Сознание покидало тело. Его руки ослабли, ноги подогнулись, и он рухнул на ринг.

Толпа замерла.

— Уводите его осторожно, это может быть внутреннее кровотечение! — командовал Том, пытаясь сдержать панику. — Тише... живее...

Прожекторы освещали фигуру Адама, погружённого в темноту собственного сознания, и лишь один человек, который остался на ринге, наблюдал с ледяной улыбкой, как Адам умирает.

Леон Акселили.

Катар

В тот день Адама сразу же доставили в Катар на частном самолёте. Парень впал в кому...

Что же случилось с ним? Это произошло из-за боя? Или же всё из-за ударов?

Нет.

Как только сына доставили в больницу «Доха», сердце Малика Имерети не находило покоя.

Слова Испанки сбылись... её предупреждение о беде, на-
двигающейся на Адама, звучало в его голове, как зловещий
ритм: *«Беда ждёт мужчину, который покинул этот дом».*

Больше всего сейчас Малик боялся потерять сына. Он на-
ходился в палате с охраной, не отрывая глаз от Адама, на-
блюдая за его бледным лицом, за едва заметным дыханием,
за каждой его дрожью.

Он прокручивал в памяти их последний разговор: *как
Адам обвинял его, как спорил с женой о благословении, о бу-
дущем и выборе сына.*

Каждый звук в коридоре заставлял сердце Малика сжи-
маться, каждый шорох заставлял думать о новой угрозе.
Весь Катар словно похоронил его сына ещё до того, как тот
откроет глаза.

В этой палате царил кошмар наяву, где страх переплетал-
ся с надеждой. Семья Адама молилась, чтобы он проснулся.

В этот момент в палату вошёл главврач, строгий и хму-
рый, с усталостью на лице.

— Добрый день, Малик Имерети. Пройдёмте за мной, нам
нужно обсудить состояние вашего сына...

— Добрый, да, конечно.

Малик последовал за врачом в кабинет. Сев напротив
него, он сквозь сжатые зубы говорил.

— Ну же, доктор, говорите, как есть!

— Дела плохи, — начал врач, тяжело вздыхая. — Это
яд. Вашего сына отравили перед выходом на ринг. Его хоте-

ли убить, как Сократа. Яд крайне опасен для организма: *головные боли, головокружение, расстройство желудочно-кишечного тракта, сонливость и помрачение сознания.* Мышечная слабость была такой, что малейшее напряжение тела вызывало болезненные судороги.

— Цикута... — сжалось сердце Малика. — Именно она?

— Да, именно цикута. Судороги привели к удушью и параличу нервов. Но нам удалось очистить его организм... — врач сделал паузу, — и Адаму повезло. Он мог остаться инвалидом.

Малик сжал кулаки, его пальцы вцепились в кресло, дыхание стало прерывистым.

— Мой сын проснётся? Верно, доктор? — глаза Малика горели надеждой, болью, страхом одновременно.

— Пока что мы не можем сказать насчёт комы, — ответил врач, осторожно глядя в глаза Малика. — Но для нас уже победа, что мы очистили организм. Он мог бы быть сейчас совсем в другом месте...

Малик почувствовал, как напряжение в груди не отпускает.

— Я понял вас, но если мой сын очнётся, я щедро отблагодарю вас и весь персонал!

— Спасибо, Малик, но не стоит... — доктор пытался успокоить его.

— Я хочу, чтобы его переместили домой, — твердо сказал Малик. — Я понимаю, что в больнице ему ничего не угрожа-

ет, но дома он будет под моим контролем. Кто угодно может прокрасться в палату, а мы не знаем, через какой промежуток времени он проснётся...

— Хорошо, Малик, будет сделано, — кивнул врач.

Малик направился к выходу. В коридоре его ждали верные люди. Их лица были напряжёнными, а глаза — тревожными.

— Господин Имерети, мы нашли его, — сказал Никон.

— Кто он? — голос Малика стал хриплым, сердце колотилось.

— Леон Акселили. Это тот парень, с которым он был на ринге.

— Ну и не тяни резину, выкладывай уже! — резко произнёс Малик, сдерживая бурю эмоций.

— Помните ту девушку, с которой встречался ваш сын? — начал другой, по имени Алекай. — Так вот... Он её жених.

Сердце Малика замерло. В глазах промелькнула тьма. В голове крутилось: *«Леон... Дочь Альберта... И Адам...»*

— Как только мой сын проснётся, он сам решит, что делать с ними. *«Он сам выберет путь»*, — произнёс Малик.

Мужчина сжал кулаки, глаза наполнились холодной решимостью. Он не мог допустить, чтобы его сын умер, чтобы прошлое повторилось. Малик вернулся к палате Адама, опустился на колени рядом с кроватью.

— Держись, сынок... — тихо прошептал он. — Я не отдам тебя никому. Ни Смерти, ни кому-то ещё. Ты проснёшься, и

всё встанет на свои места.

За окном Катар был погружён в ночь, а внутри Малика продолжала бушевать буря: *страх, ненависть, любовь и безграничная тревога за сына...*

Пока Адам находился в коме, его противник, Леон Акселили, уже вернулся домой. Дом, наполненный холодом и тишиной, будто жил своей отдельной, мрачной жизнью.

Он сидел в гостиной несколько минут, прислушиваясь к каждому скрипу, к каждому шуму, который доносился с верхнего этажа. Он знал — Моника видела бой, и знание этого давило на виски с болезненной силой.

Моника лежала на кровати, уставившись в одну точку. Глаза были воспалённые, пустые. Она почти не спала последние несколько дней — только короткие провалы из-за успокоительных.

Её тело казалось безжизненным, а лицо — бледным, словно с неё вытянули всё тепло. Она выглядела так, будто из неё забрали душу. Когда дверь медленно приоткрылась, она даже не вздрогнула — только затуманенный взгляд скользнул в его сторону.

Леон вошёл тихо, мягко, почти осторожно. Но стоило ему сделать шаг ближе.

— Не подходи ко мне, — резко прошептала Моника.

Леон остановился.

— Почему? — В его голосе звучало удивление.

Она подняла голову, и в тусклом свете её глаза блеснули яростью.

— Я ненавижу тебя. Ты псих.

Леон молчал.

Он смотрел на неё так, будто пытался понять, где в ней та прежняя Моника — нежная, тёплая, улыбающаяся.

Но её больше не было.

В тот день, когда она увидела прямую трансляцию боя, услышала крики толпы, увидела, как Адам падает, она кричала так долго, что сорвала голос. После этого она не поднималась с кровати. И сейчас выглядела как труп, но только живой.

С трудом встав с кровати, Моника подошла к Леону ближе, глядя прямо в его лицо. Между ними можно было услышать её дыхание — рваное, болезненное.

— Зачем ты это сделал? — её голос дрожал, но она стояла твёрдо.

Леон молчал, только его глаза слегка потемнели. Тишина между ними стала настолько громкой, что казалось, она давит на стены. И вдруг — звонкая, сильная пощёчина. Леон даже не шелохнулся, только его голова резко дёрнулась в сторону.

— Видеть тебя не хочу! Ты противен мне. Тьфу! — она плюнула ему в лицо. — Уходи. Я не хочу тебя. Не хочу быть

с тобой. Рядом с тобой даже находиться не могу! — Её голос дрожал, срывался. — Как ты мог так сделать? Как ты мог скрывать всё это от меня?! *«По делам уехал»*... Зачем тебе он был нужен? Его жизнь? Это яд, Леон! Все новости только об этом говорят! Он в коме, а ты стоишь передо мной живой! Лучше бы ты никогда не появлялся в моей жизни! Я ненавижу тебя! Если он умрёт — я тоже умру!

Эти слова ударили по Леону сильнее любого удара на ринге. Он медленно подошёл, прижал её к шкафу и схватил за лицо — так, будто держит что-то хрупкое и одновременно своё.

— Теперь слушай меня, дорогая. — Его голос был низким, угрожающим.

Он наклонился ближе.

— Я вижу всё. Когда ты смотришь мне в глаза и говоришь, что любишь — ты врешь. Ты не разлюбила его. Ты до сих пор живёшь им. — Он приблизился ещё сильнее. — Если я увижу этот огонь в твоих глазах ещё раз — я убью его.

— Я не по своей воле с тобой... — прошептала она. — Ты это знаешь...

— Не придумывай отговорки. — ухмыльнулся он. — Я знаю, почему ты бросила его.

Моника встретила его взгляд с ненавистью, но Леон решил не останавливаться.

— Он убил человека. А теперь подумай, кто из нас хуже. — сказал он это спокойно, почти мягко. — Я тоже мог убить

его. Выстрелив ему в голову. И могу сделать это в следующий раз.

— Ты хуже. *«Гораздо хуже»*, — испуганно прошептала Моника. — Передо мной стоит чужой человек.

— Отдыхай. — Он чуть склонился и поцеловал её в лоб, словно это был жест заботы. После чего развернулся и вышел.

— Противный... — сорвалось у неё, когда дверь закрылась.

«Слава богу», — подумала она про себя.

Моника попыталась отдышаться, села на край кровати, но вдруг... Картина боя всплыла перед глазами. Кровь на ринге, его судороги, когда Адам упал, и новость, что он впал в кому. Внутри снова поднялась волна паники, грудь сжалась так сильно, что она охнула, воздуха не хватало. Моника начала стучать по тумбочке — громко, беспорядочно, отчаянно.

Леон вбежал.

Его глаза резко расширились, когда он увидел, как Моника, обессиленная, сползает на пол и теряет сознание. Он подбежал, поднял её на руки и уложил на кровать, его пальцы дрожали, когда он делал ей укол.

— Любимая моя... — прошептал он, глядя на её бледное лицо.

Она начала приходить в себя, и первым, кого увидела, был он.

— За что... — прошептала она, глядя на потолок. — За

какие грехи ты меня так наказываешь? Что ты тут делаешь? Выйди!

— Вообще-то, если бы я не вошёл — твое сердце уже могло бы остановиться. — холодно бросил Леон.

— Я устала... — голос сорвался. Слёзы потекли по её щекам. — Я правда очень устала.

Леон открыл рот, чтобы что-то сказать, но она перебила.

— Откажись от меня, Леон. Ты не будешь счастлив со мной. Я не могу его забыть.

Леон посмотрел на неё долгим, тёмным взглядом, присел на край кровати, медленно взял её за подбородок.

— Я влюблён в тебя с самого детства. — прошептал он, и в этом шёпоте чувствовалась скрытая угроза. — Я любил тебя, люблю и буду любить. «Это никогда не изменится», — прошептал он, и в этом шёпоте чувствовалась скрытая угроза.

Леон приблизился.

— Если ты отвергнешь мою любовь... если ещё раз оттолкнёшь меня — я сделаю такие вещи, что тебе будет больно. Очень больно.

— Ты... ты сошёл с ума... — выдохнула Моника.

Леон улыбнулся — медленно, жутко.

— Я сошёл с ума в тот день, когда впервые увидел тебя.

Время текло медленно, вязко, будто сгущённая смола. Адам Имерети Малик уже почти пять лет лежал в коме. Враги праздновали эту тишину, и только семья Малик продолжала ждать — упрямо, слепо, до боли в сердце. Далия молилась за жизнь сына каждое утро и каждый вечер, словно пыталась удержать сына в мире живых.

Иногда ей казалось, что стоит закрыть глаза — и он войдёт в комнату, высокий, спокойный, с ленивой усмешкой и тёплым «Мама, иди сюда».

Но, открывая глаза, она видела лишь пустоту...

Айла узнала правду о Леоне, о Лави и о том, что он хотел убить её в тот самый день, когда повернул её жизнь в ломаный поток боли.

Малик был со своим сыном постоянно в комнате, как в склепе, охраняя тело Адама от всего мира.

Докторов он держал в доме словно пленников, которым запрещено ошибаться и ещё строже запрещено произносить слово «смерть».

Все они знали: стоит им сказать, что Адам не проснётся, и Малик сломает им жизнь, шеи или судьбы, или всё сразу. Для Малика его сын не был тенью.

Адам был жив, просто спал.

Июльское утро ещё не прогрелось, воздух был холодным,

будто вымороженным сном. Малик сидел в саду, опустошив бутылку красного вина.

Этот сад — единственное, что осталось от Ланы, как воспоминание о ней. Он сорвал розу, и острые шипы впились в кожу.

— Ладно, Лана... — тихо выдохнул он. — Это для Адама, для нашего льва.

Слёзы обожгли ему лицо, но он не вытер их. Малик не заметил, как дверь дома распахнулась, не услышал быстрых шагов, только крик разорвал тишину сада.

— Малик! Господин Малик! Адам... Адам проснулся!

Мужчина обернулся, и впервые за пять лет в глазах его вспыхнула искра жизни.

— Что же мы стоим, дочка? — прохрипел он. — Веди меня к моему сыну.

Когда он вошёл в комнату, там уже были Даля и Айла. Они держали Адама за руки так, словно боялись снова потерять. Адам медленно распахнул тяжёлые веки, его взгляд нашёл отца — и стал яснее.

— Папа...

— Тише, сын, — Малик опустился к нему, обняв осторожно. — Я думал, тьма заберет тебя у меня...

— Пап... мам... Айла... Я жив. Хватит рыдать, а то чувствую себя как на собственных похоронах. Что со мной было? Сколько времени прошло?

Даля опустила глаза.

— Пять лет...

Несколько дней спустя

Малик сидел рядом с сыном и смотрел в окно в тот сад, который когда-то пах розами и смехом Ланы.

— Сын, — начал он медленно, — пришло время сказать правду. Далия не твоя мать. Твоя мать умерла, когда тебе не было и года.

Адам замер он почти перестал дышать.

— Как её звали? — тихо спросил он.

— Лана, — Малик улыбнулся сквозь слезы. — Ты так похож на неё...

Малик рассказал сыну про то утро, выстрелы, про сад, про холодное тело Ланы, упавшее в собственные розы. Адам слушал, не отрывая взгляда от одной точки на полу. По щекам его текли тихие, взрослые слёзы — злые, режущие.

— Кто это сделал? — спросил Адам.

— Альберт Адамия.

Адам встал резко, слишком резко.

Мир взорвался белым, он рухнул на пол, потеряв сознание. Его привели в себя через двадцать минут. Парень открыл глаза и первым делом схватил отца за руку.

— Я восстановлюсь, — прошептал он. — Убью его и всю

его семью. — Его голос был низким, хриплым — голос человека, который вернулся из мёртвых. — Они все поплатятся, отец, все.

Малик опустил голову он ждал именно этих слов.

Сентябрь

Организм Адама восстановился не полностью. Межрёберная невралгия мучила его, как напоминание о смерти, от которой он ушёл.

Но в душе Адама появилась тяжесть.

Он окончательно завершил карьеру в боксе, даже не тренируясь. Врачи выдвинули ему противопоказания в продолжении карьеры бокса — это был конец его мечты.

Адам отрезал мечты и погрузился в дела семьи, и каждое утро — каждый чёртов четверг — ездил на могилу родной покойной матери.

— Доброе утро, Лана Имерети, — сказал он тихо, положив на холодный мрамор розы из сада. — Мам... Сегодня особенный день, сегодня я начинаю путь мести. — Адам говорил так, будто она слышала, как будто стояла рядом теплая, живая. — Я видел тебя только на фотографии, ты была очень красивой... Несмотря на то, что всю жизнь я считал матерью Далию и считаю по сей день, знай — я и твой сын

тоже. Я отомщу за тебя. За то, что он оставил нас с отцом без тебя. — Адам замолчал, поднял взгляд, уголки губ слегка дрогнули. — Прощайте... Лана Имерети. Но я вернусь в следующий четверг снова с розами.

Он повернулся, готовый идти, но у ворот кладбища его уже ждал его отец, Малик.

— Сын, — сказал он тяжело. — Ты должен знать ещё кое-что про Альберта.

Адам прищурился.

— У него есть сын, его зовут Али.

— Сколько ему? — холодно спросил Адам.

— Ровесник Моники.

Адам замер на секунду, ведь он никогда не слышал от Моники, что у нее есть брат, пальцы сжались в кулак.

— Отлично, — тихо произнёс Адам.

Адам Имерети поднял воротник чёрного пальто, шагнул к машине, путь мести начался, он улыбнулся медленно, жутко, чувствуя, как внутри него просыпается темная сторона.

— Алекай, — голос Адама был ровным, почти спокойным, от чего становилось только страшнее. — Сегодня он едет в аэропорт с женой. Ты и ребята знаете маршрут. Перехватите их на трассе. Потом — в лес. Привяжете к дереву, ждать меня, одних не оставлять.

— Да, Адам. Не волнуйся, всё сделаем.

— Я и не волнуюсь. — Он медленно выдохнул. — Вечером позвонишь Фае. Пусть узнает, что происходит у них дома. Зятёк и сын — первые, кто начнёт рвать воздух.

— А Моника? — осторожно поинтересовался Алекай.

Адам мерзко усмехнулся.

— Эта тварь? Да она уже ходит как мёртвая. Шума не будет. Даже если начнёт кричать — никто не услышит.

— Понял. Тогда мы поехали.

— Езжайте. — Адам кивнул. — Лёгкой работы. Буду на связи.

Он остался один.

Стоял у панорамного окна в гостиной, сжимая в руке заряженный пистолет. Металл охлаждал ладонь — и странным образом успокаивал. Когда дверь тихо скрипнула, Адам спрятал оружие под подкладку пиджака.

Вошла Далия.

Её лицо было серым от страха.

— Я знаю, что ты задумал, — произнесла она сдавленным голосом.

— Мама, — Адам посмотрел на неё. — Ты меня не остановишь. Никто не остановит. Пока я не закончу.

— Это грех, сын! — её голос дрогнул. — Чёрный грех!

— Мне всё равно.

— Всё возвращается, Адам! Бог накажет тебя! У тебя есть сестра — подумай! Жизнь — это бумеранг... не отвечай

злом на зло, иначе этому не будет конца!

Но он уже отвернулся, её слова падали как камень на душу. Адам проигнорировал мать, вышел из дома и направился в сад.

Сад всегда умел успокаивать его, но сегодня — нет.

Сегодня внутри была только тьма.

Двумя часами позже

Альберт Адамия и его супруга уже были без сознания, брошенные на заднее сиденье автомобиля людей Адама. Их привезли в лес и привязали к стволу векового дерева так, что верёвки впивались в кожу. Руки, ноги крепко стянуты, в охотах грубая суровая ткань, не дающая ни звука. Когда Адам прибыл, уже была глубокая ночь. Лес стоял чёрным, неподвижным, вся семья Адамия была в сборе: Али — бледный как мел, Моника — дрожащая, её глаза, заплывшие от истерик, и родители, едва державшиеся в сознании.

Женщины плакали.

Мужчины — молчали, осознавая конец.

— Всех привели? — тихо спросил Адам.

— Да, господин, — ответил один из людей.

— А где этот чёрт Акселили? — голос Адама сорвался на хрип. — Где Леон?! Какого чёрта вы опять облажались?! Не

дай Бог... — Он резко замолчал. — Если то, что я думаю...

Телефон звонко вибрировал в его кармане. Адам ответил.

Адам: — Я слушаю.

Леон: — Для начала... здравствуй.

Голос был хриплым, с улыбкой.

Адам: — Кто это? Мне не до игр.

Леон: — У меня твоя сестра, Адам Имерети. А у тебя... моя семейка. Верно?

Адам побледнел.

Адам: — Чёрт...

Леон: — Он самый, — усмехнулся Леон. — Один неверный шаг — и я убью её.

Адам: — Кого ты убьёшь?! — Адам взревел в трубку. — Ты, мразь! Слышишь меня?! Алло! Отвечай!!!

Но в трубке уже была тишина, глухая и холодная. Адам выдохнул так, будто ему в грудь ударили ножом. Гнев внутри рванулся, разрывая здравый смысл, он вытащил пистолет, подошёл к Альберту и приставил ствол к виску.

— Как же я тебя ненавижу, — прошептал Адам и выстрелил.

Кровь горячей волной ударила ему в лицо. Альберт обмяк, даже не успев попытаться вдохнуть. Адам медленно повернул голову к остальным.

— Ну что, семейка, кто следующий?

Он отошёл обратно, поднял руку и один за другим, с хладнокровием мясника, отправил всех в землю.

Пули входили в плоть мягко, будто в тёплое масло, и только Моника, последняя, смотрела на него глазами мёртвого зверя. Он нажал спуск, и когда тело рухнуло, его сердце оборвалось. Будто кто-то вырвал из него вторую половину и бросил львам.

Телефон снова завибрировал так резко, и Адам нервно снял трубку.

Адам Имерети:— Говори.

Алекай: — Адам... — голос Алекая дрогнул. — Айла...

Адам Имерети:— Что Айла?! — рык сорвался с его груди, как хищник из клетки. — Говори!

Алекай: — Она... мертва. — Он опустил голову. — Прости.

Тишина.

Три секунды мир взвыл, в голове у Адама стало мертво и пусто.

Адам Имерети:— Что ты сказал? — Адам прошипел так, будто его горло срезали льдом. — Нет. Нет. Она жива. Она должна быть жива. Я сейчас приеду и заберу её.

Алекай: — Адам... её тело лежит в саду вашего дома.

Телефон скользнул из рук, к Адаму подошел один из приближенных людей отца — Азариас.

— Пойдём. Ребята разберутся с трупами.

— Нет. — Адам качнул головой. — Оставьте их тут. Все со мной.

Адам боялся ехать домой. Боялся увидеть то, что в голове

отказывалось укладываться.

Айла?

Его девочка?

Мёртва?

Во двор он ворвался бегом и остановился, дальше его ноги не слушались. Айла лежала под деревом, под тем самым, где она в детстве плела цветочные венки. Лежала бледная, и как снег, и холодная. Адам рухнул рядом, поднял её на руки, прижал к груди.

— Айла... — шепот срывался. — Просыпайся. — Ну же... — дрожал он губами, касаясь её лба. — Дыши... пожалуйста... дыши...

Слёзы, которые он не проливал, хлынули.

Он опустил ее на землю.

Но родители...

Их он нашёл в кабинете, они сидели, как будто спали, только рядом лежали пустые пузырьки из-под яда.

Не пули, не душение, а жалкий яд...

— Нет... — Адам схватился за голову. — Нет... нет... нет!!!

Его мир рушился быстро, легко, хищно. Он вытащил из дома тела родных, а затем, как безумный, схватил канистру с бензином, вернулся в дом и стал поливать стены, пол, мебель — всё.

Выходя, он бросил спичку. Вспышка осветила его лицо — теперь оно было чужим, жестким, мёртвым.

Нет прежнего Адама Имерети и никогда не будет.

Пламя поднималось к небу, словно показывало всю внутреннюю душу Адама, которая горела сейчас.

Алекай прибежал ошеломлённый, смотря на безумного Адама, который сидел на земле и сжимал в своих объятьях крепко сестру.

— Адам!.. Дом горит! Господин Малик... Далия... Айла... Господи... Неужели всё это правда...

— Я сегодня же улетаю в Грузию. — Голос Адама стал каменным.

— А похороны?..

— Как дом и сад догорят, похороним, затем — сразу в путь. Двоих ребят оставь тут. Пусть прикончат этого шакала, я хочу видеть его мёртвую голову.

— Понял.

Похороны

Родителей похоронили быстро, земля принимала их молча.

Но Айлу...

Он не мог положить её в землю.

Сидя на заднем сидении машины, Адам держал её на коленях, словно маленькую. Качал, гладил волосы и плакал так

громко, что стекло в машине дрожало.

— Я грешник, Айла... — он уткнулся лицом в её плечо. — Грешник... Как мне дальше жить? Бог забрал у меня всё... тебя... маму... отца... Это моё наказание?

Алекай стоял рядом у дверицы, смотря на Адама с сожалением и грустью.

— Адам... нам пора.

Но он крепче прижимал сестру.

— Я... не могу... Не торопи меня. Она... она теплеет... Она проснётся... — Он смотрел на её лицо, запоминал каждую черту, и вдруг... её веки дрогнули. — Что?.. — он ахнул.

Но тут же раздались крики людей: — *Женщина! Эй, стой! Тебе сюда нельзя!*

Адам обернулся.

К ним шла испанка Валентина — та самая, что приходила к ним домой все эти годы.

— Пропустите её! — рявкнул Адам.

Женщина подошла.

— Отец и мать мертвы, — сказала она, глядя прямо ему в глаза. — А девочка жива, немедленно вези её в больницу! И передай её мужчине... Он спасёт её жизнь.

Адам опустил взгляд на Айлу, её глаза снова дрогнули... и закрылись. Он не понимал, что происходит, но поверил.

— В машину! — приказал Адам.

Алекай ударил по газу так, что колёса завизжали. В больницу Адам ворвался, как буря. Айлу передали врачу — муж-

чине лет сорока. Валентина крепко обняла Адама.

— Бог послал вас, — прошептал он.

Она улыбнулась печально, устало.

— Девочка выживет. И ты... Улетай отсюда немедленно.

Она восстановится, но не здесь.

Четыре часа тянулись для него как чёрная, вязкая вечность.

Адам стоял, не моргая, у двери с надписью «*Операционная*». Эта табличка стала единственной точкой опоры во всём мире, сейчас он надеялся на её спасение. Всё остальное — пожар дома, смерть родителей, кровь на руках, шрам в душе — продолжало ныть.

Будет ли жить Айла?

Мыслей было много, но все они сводились к одному: если сестра выживет, нужно покинуть незамедлительно Катар.

Исчезнуть из этого проклятого города, где его судьба была исковеркана руками людей и собственными грехами.

Он смотрел на дверь, будто мог взглядом вернуть Айлу к жизни, будто мог обменять сердце на её дыхание.

И когда двери распахнулись, сердце Адама в надежде ударило так сильно, что мир потускнел. Врач вышел первым, за ним — двое ассистентов, выталкивая каталку.

На ней лежала Айла.

Бледная, без сознания и хрупкая, как утренний лёд.

— Доктор! — голос Адама надломился. — Доктор, скажите... она будет жить???

Врач даже не остановился, лишь коротко бросил: — Да.
И сразу повернул в сторону реанимации.

Адам выдохнул резко, болезненно.

Он шагнул к испанке, оглядывая её так, будто впервые видел.

— Как? Как это может быть?.. — спросил Адам, и на губах появилась слабая, отчаянная улыбка, а в глазах блеснули слёзы. Слёзы облегчения, ужаса и благодарности.

Женщина улыбнулась, она видела его насквозь.

— Я родилась с этим, сынок. Мой дар — мое проклятие.

— Спасибо вам... — голос сорвался. — Как мне вас отблагодарить?

— Твоей благодарности мне достаточно, — мягко ответила она. — Я вижу тебя. Вижу твою душу... ты искренен. Но есть один подарок, который ты можешь сделать мне. — Она смотрела на него так пристально, что Адаму стало холодно в груди.

— Я слушаю. — Он кивнул быстро. — Какой?

Валентина приблизилась на шаг, её голос стал серьёзным и тяжеловатым.

— Твой враг жив и... не один.

Слова ударили в него, как пуля.

— Первый — мужчина твоего возраста и девушка... Та, которая так же чудом спасётся, как и твоя сестра.

Адам нахмурился.

Его мозг работал быстро.

Леон и Моника.

— Ты... не убьёшь никого. Это моё условие.

Адам медленно втянул воздух, словно решал, может ли он отказаться от продолжения мести, но сейчас перед глазами снова мелькнуло лицо Айлы на каталке.

— ...Хорошо, — произнёс он почти шёпотом. — Хорошо.

Адам сделал шаг назад, тяжело, будто земля стала вязкой.

Потом достал телефон, нажал одну кнопку.

Адам: — Алекай. Отмена. Никого не преследовать.

Алекай: — Но как же...?

Адам: — Я сказал, отмена. Всё.

Закончив разговор, Адам закрыл глаза. Он сделал свой выбор, выбор, который, возможно, как-то отразится еще в его жизни.

Но... жизнь сестры сейчас стояла на первом.

И внутри у него зародилась тихая мысль: *«Если ехать в Грузию, то только к дяде Нодару, к другу отца».*

Леон мчался в лес. Свет фар разрезал темноту, выхватывая из мрака деревья. Он тяжело дышал, его сердце бешено колотилось. Он даже не помнил дороги, только яростный страх внутри себя, который бился в его груди, будто зверь, которому открыли клетку. Он должен успеть, должен спасти Моника.

Когда машина остановилась, встала, Леон выскочил из нее, не закрыв дверь. Следы на почве были свежими, глубокими, это были следы людей Адама. Он побежал по тропе, ломая ветки, и когда он добрался, мир рухнул. Вся семья Моники была привязана к дереву: *мёртвые, полумёртвые, истекающие кровью, и среди них она.*

Моника сидела, привязанная так сильно, что верёвки впились в кожу. Её глаза были полуоткрыты, дыхание рваным, каждая её секунда была борьбою за жизнь. Кровь струилась с её раны тонкой алой линией, касаясь на земли.

Леон бросился к ней, его руки дрожали так сильно, что узлы развязывались долго, бесконечно долго. Когда Леон наконец снял верёвки, он подхватил её, и прижал к себе.

— Моника... Ты жива... Слава богу... — его голос сорвался. Он обнял её, будто боялся, что она растворится в воздухе.

— Леон... — её голос едва слышный.

— Т-ш-ш... тихо. Я здесь.

Но Моника нашла в себе силы посмотреть в сторону.

— Родители... Али...

— Не смотри на них! — Леон резко взял её лицо ладонями, поворачивая к себе. — Смотри на меня. Только на меня.

Но слёзы всё равно прорвались сквозь её слабость, катясь вниз, смешиваясь с кровью и землёй.

— Мы сейчас поедem в больницу, Моника. Мы успеем. Я обещаю.

— Я никуда не поеду без брата...

Леон зажмурился.

Он видел состояние Али: дыхание отсутствовало, кожа холодная. Он знал, что Али уже мертв...

— Он не выживет...

— Тогда оставь меня здесь! — её голос стал слабо-взрывающимся. — Если он умрёт — я умру с ним. Он моя кровь, моя половина. Я чувствую, что он жив...

Леон почувствовал, как внутри него уже начинает теряться терпение.

— Он без признаков жизни, Моника! Ты только тянешь время!

Леон поднял Моника на руки и понёс к машине.

— Это всё из-за тебя! — выкрикнула она, срываясь на хрип. — Он будет жить. Я это чувствую. Если ты оставишь его здесь... Я никогда тебя не прощу.

Эти слова ударили сильнее ножа.

Леон замер на секунду.

— Хорошо... Хорошо, Моника. — глухо ответил он.

Он вернулся, поднял тело Али, аккуратно уложил рядом с Моникой на заднее сиденье. И уже через секунду машина сорвалась с места, где Леон летел к больнице на скорости, которая могла убить всех троих, если бы он потерял контроль.

Машина врезалась в бордюр у входа.

— Помогите! Помогите!!! — Леон выбежал, крича.

Медсестра вздрогнула от его вида: *лицо залито кровью,*

руки дрожат, глаза полные ужаса.

— Что вы... Что вы сделали?! Мужчина, вы в крови!

— В машине двое! Девушка и парень! Им нужна помощь.

Прямо сейчас. Пожалуйста...

Медсестра побледнела, кивнула, позвала врачей. Те выбежали, забрали обоих на каталках и устремились в операционную. Леон поймал медсестру за руку слишком резко.

— Что вы делаете?! Отпустите!

Он открыл бардачок, достал толстую пачку денег, его рука всё ещё дрожала.

— Вот. Возьмите. И сделайте всё, чтобы они выжили. Всё. Слышите?

Медсестра смотрела на деньги, затем на глаза Леона, сломанные и сумасшедшие.

Она взяла деньги.

— Мы не Господь Бог, мужчина, но мы сделаем всё, что в наших силах, — прошептала она и исчезла за дверью.

Леон вышел наружу, глубоко вдохнул холодный воздух. Он провёл рукой по лицу, размазывая кровь и пот.

Всё вокруг было тихим...

Слишком тихим...

Лео поднял глаза на больницу, сделав шаг, но после тут же остановился. На парковке, под белым светом фонарей, он увидел знакомую фигуру.

Адам Имерети.

Тот вышел из входа больницы, держась уверенно, почти

хищно, хотя шаги выдавали внутреннюю ломку. Он быстро сел в автомобиль, и машина сорвалась с места, исчезнув.

Леон замер, скрывшись за углом бетонной стены.

— Чёрт... Что он здесь делает?! — прошипел он, стиснув зубы так сильно, что заныло в челюсти. — Какого черта он в больнице...

Акселили стоял так несколько секунд, слушая, как стучит кровь в висках, потом резко выдохнул и вошёл в больницу. Внутри пахло дезинфекцией, страхом и ночной суетой, в которой доктора спасали жизни.

Он подошёл к регистратуре, голос его был напряжённым: — В какую палату отвезли парня и девушку, которых я привёз?

Медсестра вздрогнула при виде него.

Леон всё ещё был в запёкшейся крови, взгляд продолжал оставаться острым, безумным.

— Третий этаж, палата 307 и 308. Девушка и парень в очень тяжелом состоянии... Вам туда нельзя.

— Я топтал ваши правила.

Медсестра поняла, что лучше замолчать. Леон нажал кнопку лифта, стараясь не смотреть на свои руки, испачканные кровью Моники и Али.

Двери раскрылись и именно в этот момент он увидел каталку, окружённую врачами, которую перевозили из операционной слабый свет ламп выхватывал лицо девушки и Леон побледнел.

Айла — сестра Адама.

Она была бледной, как лунный свет. Лежащая под капельницами, вся в бинтах, его сердце сжалось, он сделал шаг ближе.

— Эй... эй, доктор... — Леон перехватил одного из них за локоть. — Что... что с ней случилось? Чем она больна?

Доктор обернулся, и посмотрел на Леона с усталостью.

— Она не больна, парень, это огнестрельное ранение, девочка чудом выжила... Она потеряла слишком много крови, была почти мертва.

Леон выпрямился.

Сердце ударило один раз, но уже второй... больно.

— Огнестрельное?

Акселили дал яд ее родителям, но вот убивать Айлу он не хотел, он не стрелял в Айлу.

— Пусть поправляется... — выдавил Леон сухо, отступая в сторону.

Доктора уже увезли каталку дальше по коридору а Леон стоял один замерев на месте.

В глазах прокралась растерянность, опасение мысли путались, как змеи вокруг шеи он схватился за голову обеими руками.

— ...Я не стрелял в неё...

Часами ранее

Ветер дул листья сада, как будто сам Бог задержал дыхание, наблюдая за тем, как Айла стояла перед ним, перед человеком, которого когда-то любила, а может быть, и все еще любила далеко в своем сердце.

Леон, но его она знала как Лави, ее первая любовь, где сердце и руки дрожали от каждого его сообщения.

Пистолет был в его руках, направленный на Айлу.

— Пей, я сказал. — Его голос был хриплым, сорванным. — Пей, иначе я выстрелю тебе прямо в голову.

Айла медленно подняла взгляд. В её глазах не было больше ни страха, ни просьбы о пощаде, только холод и пустота. Пустота, в которой он оставил ее в тот день, разбив Айле сердце.

— Стреляй, — произнесла она тихо, почти ласково. — Стреляй, Лави, покончи со мной!

Леон затаил дыхание, эти слова ударили по нему, он не ожидал, что Айла будет настолько смела перед ним.

— Я сказал пей! — рявкнул он, будто пытаюсь перекричать собственную совесть.

— Стреляй! — девичий крик прорезал воздух. — Закончи то, что не смог сделать пять лет назад.

Молчание тяжёлое, давящее, разрывающее. Айла шагнула ближе, и прежде, чем он понял, что произошло, она выдернула пистолет из его рук, отскочив назад.

Теперь это оружие она направила на себя сама.

— Айла, отдай. — сорванным, раздраженным голосом произнес Леон. — Отдай его мне.

— Уходи, Лави. — её пальцы дрожали, но не опускались. — Я не хочу, чтобы ты видел, как я умираю.

Он сделал шаг вперёд.

— Отдай мне оружие, и можешь выпить яд. — сказал тихо, почти ласково. — Заснёшь быстро. Даже боли не почувствуешь.

— Ты гад... — прошептала она, и слёзы медленно покапались по щекам. — Ты покушался на мою жизнь.

Парень отвёл взгляд, смотреть в её глаза стало невыносимо.

— В тот день, когда мы расстались... — продолжила она, голос задрожал еще сильнее. — Ты сразу же подослал своих людей. Они убили водителя. Они стреляли в меня. Ты думал, я не узнаю? — Молчание снова стало ответом Айла горько усмехнулась. — Ты хотел меня припугнуть? Вот так? Убить?

— Я не хотел тебя убить! — сорвался он. — Я хотел... сделать тебе больно.

— У тебя получилось. — выдохнула она. — Сделал. Мою жизнь, мою веру, моё сердце, ты сломал меня и уничтожил всё, что мне дорого. — Она подняла на него взгляд, полный

разрушения. — Я тебя любила. А ты... ты меня не любил вовсе. Ни капли.

Леон нервно провёл рукой по лицу, будто хотел расцарапать кожу, чтобы не слышать ее голос.

— Ты думаешь, ты одна такая? — тихо бросил он. — Единственная несчастная, влюблённая в этом мире?

— Я ненавижу тебя. — сказала она, и голос дрогнул, как от холода.

Он посмотрел прямо в её глаза.

— Лжёшь, — прошептал. — В твоих глазах всё ещё есть я. До сих пор.

Айла закрыла глаза, на секунду будто сдаваясь, но затем...

— Ладно, — бросил он, отступив на шаг, будто давая ей свободу. — Хочешь умереть — умри легко, выпей яд, а пистолет... Если он тебе так дорог — бери с собой в могилу.

Мир вокруг будто затих, только Айла и он...

Осколок, который ранил больше всех.

Леон ушел.

Она медленно присела на холодный газон, открыла флакон, её руки дрожали, но взгляд оставался прямым и твёрдым. Айла была готова умереть, она не видела смысла жизни без Лави.

Она вытила.

Мир поплыл перед глазами, сонливость обрушилась резко, ударом, и, когда сознание стало таять, Айла подняла пи-

столет... и нажала на курок.

Грохнул выстрел, птицы взвились с деревьев в небо.

Леон вышел из больницы так, будто кто-то невидимый выгнал его оттуда. Он не чувствовал ног под собой, просто шёл, пока не опустился на холодную металлическую лавку у входа.

Дрожащими губами шепнул: — *Господи... спаси их. Пожалуйста.*

Ночь ползла медленно, густая тьма, в которой он пытался спрятаться от самого себя.

Он не сомкнул глаз.

Не мог.

В сознании снова и снова всплывал один и тот же вопрос — запретный, нелепый, мучительный.

Бывает ли такое... что ты любишь двух женщин одновременно?

Леон провёл руками по лицу, будто хотел стереть с себя чужую кровь, вину.

— Что я наделал?.. — выдохнул он едва слышно. — Я не хотел убивать её...

Он всё ещё держал своё лицо в ладонях, когда услышал.

— Леон Акселили?

Парень поднял голову, усталость стояла в глазах, как туман.

— Да... я.

— Пройдёмте со мной.

— Что-то случилось? Плохое...

— Ваша жена Моника пришла в себя.

Холод больничной палаты встретил её свет бил в глаза, будто наказывал за то, что она всё же открыла их. Моника моргала тяжело, как будто веки налились свинцом. В ушах шумело, дыхание было рваным.

Когда она осознала инородный предмет во рту, паника обожгла изнутри: *трубка мешала дышать, горло горело.*

Врач в очках склонился над аппаратами, мельком взглянул на неё — и выскочил, зовя остальных.

Пальцы у неё дрожали. Сердце билось так, будто хотело вырваться из груди. В комнату ворвались медики, и боль стала ярче, когда трубку извлекли.

Вкус горечи заполнил рот.

Она закашлялась, слёзы выступили сами собой.

А следом за докторами в палату буквально влетел Леон — взъерошенный, запыхавшийся, с глазами, в которых смешались страх и ярость.

— Что с ней? — он почти оттолкнул врачей. — Почему она так дышит?!

Главврач попытался объяснить: — Она пришла в себя

быстрее, чем мы ожидали. Но шансы на...

— Молчи. — Леон резко оборвал врача. Глаза потемнели.

— Молчи и не смей заканчивать эту фразу. Врач отпрянул. Леон выдохнул: — Выйдите все. Оставьте меня с женой.

Когда дверь закрылась, Леон подошёл к кровати.

— Ты как?

Моника смотрела на него с надеждой, которая уже начала умирать.

— Где папа и мама? Почему они не пришли?

Он опустился на колени, обхватив её холодную, дрожащую руку слова застряли у него в горле.

— Моника...

— А брат? — её голос дрогнул.

Он отвёл взгляд и просто молчал.

— Почему ты молчишь?.. — она попыталась подняться, но боль пронзила тело. — Леон... мне больно...

Моника едва удержалась, но он подхватил её, прижимая к себе. Она вцепилась в него обеими руками, будто он был единственным, что связывает её с жизнью, и именно в этот момент она всё поняла без слов.

— Мне очень больно, Леон... — Её голос ломался. — Пожалуйста... Не молчи. — Леон прижал её к себе, целуя в макушку.

В её голове вспыхивали образы: мама, целующая её в лоб; отец, который всегда мог развеять любой ночной кошмар. Но теперь этот кошмар был реальностью, и никто не придёт.

Она закрыла глаза, и слёзы потекли сами.

— Давай уедем отсюда. — прошептала она вдруг. — Пожалуйста. Я хочу тишины. Новую жизнь. Ты... я... и брат.

— Моника, тебе нужно отдохнуть. Ты только очнулась.

— Я серьёзно.

Он посмотрел на неё внимательно.

— Куда хочешь?

— В Грузию. В Ахалцихе, на родину отца, он там родился.

— Пока ты и Али не восстановитесь, мы никуда не поедем. Но потом... да. Мы уедем.

Она кивнула.

— Леон?

— М?

— Я плохо относилась к тебе...

Он погладил её по голове.

— Не думай о прошлом. Думай о том, что нас ждет в будущем и как мы построим его вместе.

Когда Адам уехал из больницы, коридоры вновь наполнились тишиной. Но в палате его сестры Айлы тишины не существовало только боль, давящая на грудь, тяжёлая как каменная плита. Айла очнулась внезапно, будто вырвалась из чёрной бездны. Первое, что она почувствовала — это пустоту. Страшную, раздирающую, как будто внутри неё появился

провал, в который падали все звуки, все мысли, все остатки света. Она резко перекрутилась на бок, дёрнув швы резкая боль обожгла тело.

— Где я?.. Мама?.. Папа?.. Адам?..

Ответа не было, и тогда картинки перед глазами быстро начали пролетать, напоминая о том, что произошло. Айла закричала — тихо, хрипло, так, будто душа разрывалась.

— Нет... Нет-нет-нет... не оставляйте меня... пожалуйста... ста...

Медсестра вбежала в палату.

— Айла, вам нельзя волноваться! Вы только пришли в себя!

— Зачем вы меня спасли?! — её голос сорвался, дрогнул.

— ЗАЧЕМ?! Зачем вы вернули меня, если они... если все...

— её руки дрожали. — Мой дом... моя жизнь... всё убито.

Она пыталась дышать, но воздух будто не входил в лёгкие.

— Я хочу... — её голос упал почти до шёпота. — Я хочу уснуть. И больше не просыпаться. В чём смысл, если все мои близкие мертвы?

— Айла, вам нужен отдых, вы истощены. Сейчас я поставлю капельницу, вы немного поспите...

— Ты не слышишь меня?! Я не хочу жить!

Медсестра приблизилась со шприцем.

Айла мгновенно, инстинктивно, несмотря на швы, поднялась. Боль полоснула тело, но она будто не почувствовала.

Айла вырвала шприц из рук медсестры.

Дверь палаты распахнулась, словно под ударом.

И на пороге стоял он, Адам.

Его взгляд был измученным, глаза красными от лопнувших капилляров.

Айла замерла.

Шприц выскользнул из её пальцев и грохнулся на пол.

— Ты... жив?.. — Её голос был почти детским и испуганным, сломленным. — А мама, папа?!

— Лучше бы всё это было со мной, а не с вами... — Адам подошёл ближе и присел рядом с её кроватью. — Спасибо Богу, что ты жива.

Медсестра вмешалась: — Адам Имерети, ваша сестра отказывается от капельниц. Говорит, что хочет умереть. Она вырвала шприц из моих рук...

— Я... Я не знала, что ты жив... — сказала Айла, закрывая лицо руками. Слезы текли непрерывно.

Адам обнял её — крепко, жадно, защищая от всего мира. Он прижал её голову к своей груди, глядя по волосам.

— Ты — самое ценное, что у меня осталось.

Единственное.

— Ай!.. Больно... — Айла вскрикнула, вздрагивая.

Он отстранился, тревожно: — Где болит? Покажи.

Она коснулась груди.

— Здесь. Внутри. Там всё... горит. Пусто и больно.

Адам замолчал.

Повернулся в сторону, чтобы она не увидела его лицо, и всё же она увидела, как дрогнули его плечи. Он сел на край кровати и тихо, почти шёпотом, начал снова говорить.

— Айла... Родителей нет. Ты это знаешь...

Она резко вдохнула, как будто её ударили.

— Не... говори так... — зашептала она. — Папа... мама... они же... дома... Они должны быть дома...

— Дома больше нет.

— Что?..

— Нашего дома нет, Айла. Он сгорел. Я сам его... — Он закрыл глаза. — Я сжёг его.

Она замерла.

Сердце сжалось, пальцы задрожали.

— Как... Как мы оставим родителей? Они же... здесь...

— Мы перевезём их. В другую страну. Туда, где начнём жить снова.

— Ты хочешь уехать... и просто... всё забыть? — её голос дрожал. — Это неправильно...

— Неправильно останавливаться в городе, который нас убил.

— Но куда?..

— В Грузию. В Батуми. Я куплю дом на побережье. Большой дом. С безопасностью и с тишиной. Мы начнём заново, Айла.

Айла долго молчала, обдумывая всё.

— А родители... как мы перевезём?..

— Я всё организую. — Он сжал её ладонь. — Об этом не думай.

Айла прикрыла глаза.

Слеза скатилась по виску.

— Адам... У меня внутри всё болит...

— Тебе нужно отдохнуть, я поговорю с врачом.

— Адам... стой.

Он остановился у двери.

— Что?

— Если мы уедем... Ты обещаешь мне. Ты больше никогда не будешь убивать. Никакой мести, никакого криминала. Я... Я не выдержу, если с тобой что-то случится.

Он обернулся.

Его глаза потемнели.

— Я сказал: новая жизнь. Оставим всё здесь. Но бизнес... Бизнес отца я бросить не могу.

— От него одни беды...

— Всё. Довольно, — спокойно возразил Адам. — Мы уедем и будем жить по-другому.

Глава 1

Адам

Тот, кто когда-то был мной, умер год назад.

Когда я теперь оглядываюсь назад, мне страшно осознавать, насколько может измениться человек всего за один год.

Этот год вырвал у меня сердце, забрал родителей...

И оставил мне лишь двух женщин, ради которых я живу: Айлу и Валентину. Я знаю, сколько крови на моих руках, сколько душ ушло по моей вине, сколько судеб я переломал, оправдываясь словом «семья» и «месть».

Адам, что жил раньше...

Он умер в Катаре.

Каждое воскресенье я поднимаюсь рано утром, выхожу тихо, чтобы не разбудить Айлу, которая иногда всё ещё вздрагивает во сне, будто заново переживает ту ночь, когда мы оба чуть не лишились друг друга.

Машина ждёт у ворот.

Первым делом я еду к родителям, к их месту покоя. Там я всегда стою молча, мне кажется, если начну говорить вслух — сорвусь, упаду на колени, начну просить прощения за всё...

И так и не встану.

Я не приношу цветов, мне кажется, я не имею права, я

приношу лишь тишину и свой стыд, чтобы не нарушить их покой.

После кладбища я всегда еду в церковь Святого Христа Все спасителя. Этот храм стал единственным местом, где я могу дышать так, чтобы меня не душило прошлое.

Я захожу внутрь, снимаю оружие и кладу на лавку рядом, будто оставляю Богу всю грязь, которой испачкал душу, опускаюсь на колени и молюсь.

— Боже... защити мою маленькую семью. Меня... Айлу... Валентину... Я знаю: *многого прошу*. Учитывая, что сам по себе я грех, одетый в дорогой черный костюм.

К этому воскресенью я готовился долго.

Исповедь...

Смешно, да?

Грешник-убийца, который идёт каяться. Мне казалось, что, когда я войду на исповедь, стены сами оттолкнут меня, свечи погаснут и бог отвернётся от меня. Но отец Александр встретил меня спокойным взглядом. Он всегда видел во мне человека, а не преступника с кровью на руках.

— Адам, ты уверен, что готов к таинству покаяния? — Его голос был мягким, но точным, и этим голосом он разрезал во мне что-то глубоко спрятанное.

— Да... — ответил я, выдохнув.

Это «да» далось мне тяжелее, чем любой выстрел, который я делал. Когда отец Александр начал читать молитвы, я стоял перед крестом и Евангелием, буквально чувствуя, как мне

нечем дышать.

В голове мелькали лица тех, кого я убил, тех, кого потерял, и я начал говорить, говорить всё. Ту правду, от которой сам бегал, я рассказал о крови на своих руках, о мести, о том, как сжёг наш дом — будто надеялся, что огонь выжжет и мои грехи, и успокоит мою душу. О дне, когда мир перевернулся, когда Айла чуть не умерла...

О том, что я живу с постоянной мыслью: *«А вдруг Бог решит забрать её, чтобы наказать меня?»*

Никогда не оправдывал себя мстью...

Я просто выплёвывал правду, как яд, который больше не мог держать внутри. Когда я умолк, батюшка накрыл мою голову епитрахилью. Я чувствовал, как у меня дрожат руки. Он начал читать разрешительную молитву тихо, но так, что каждое слово резало меня: *«Да будет тебе разрешено... именем Иисуса Христа...»*

И в тот момент мне показалось, что стенки моего сердца дрогнули.

Словно тяжёлая цепь ослабла... но не исчезла.

Потому что грехи такого человека, как я, не исчезают.

Они просто перестают капать кровью.

— Адам, — произнёс отец Александр, — исповедь принимается Богом, когда человек искренне кается... но тебе нужно понимать: ты обязан сделать всё, чтобы не повторять эти грехи.

Я кивнул.

У меня внутри всё горело.

— Я понял, отец.

— Тогда ступай домой. Тебя ждут.

Я склонил голову.

— Благословите меня.

— Благословляю тебя, раб Божий Адам.

Эти слова прозвучали как... спасение для моей души, но насколько хватит этого спасения для меня?

Когда я вышел из храма, воздух был прохладный, чистый, такой, какой я не чувствовал давно. Я остановился у ступеней и ещё раз перекрестился, вдохнув свежего воздуха, который пах ладаном и летним теплым ветром. Я сделал шаг к машине — и в этот момент кто-то мягко столкнулся со мной.

Тонкое, почти невесомое прикосновение и запах жасмина, который слегка ударил в виски. Передо мной стояла девушка, держа в руках шелковый платок, который нервно пыталась распутать.

— Извините, — сказал я автоматически.

— Это вы меня простите... — Она улыбнулась так тепло.

— Я шла и даже не заметила вас. — В её голосе было что-то... искреннее и застенчивое.

— Давайте помогу? — вырвалось у меня.

Она моргнула, чуть наклонив голову, будто не поняла.

— О чём вы? — спросила она, глядя на меня чистыми глазами. Взгляд — тихий, внимательный, как будто она знала меня. Или... пыталась вспомнить.

Я указал взглядом на её платок.

— Концы... запутались. Вы, кажется, мучаетесь с ними.

— Ах! — Она смутилась, чуть улыбнувшись. — Вы про это... если вам не трудно, конечно.

Она протянула мне платок осторожно, словно отдаёт что-то ценное. Я взял его и быстрыми движениями распутывая тонкие узелки. Ткань была тёплой, кажется, платок она держала в своих руках долго. Взгляд этой девушки на себе я чувствовал буквально на коже — внимательный, изучающий. Я не понимал, почему она смотрит на меня так, будто... словно знает меня.

— Вот, — сказал я, возвращая ей платок.

— Спасибо вам... — Она снова улыбнулась. Нежно. И почему-то грустно.

В её глазах было что-то особенное и знакомое, но я не мог вспомнить... откуда она знакома мне.

Я задержался взглядом на секунду дольше, чем следовало.

Что-то в ней зацепило меня...

Чувство вроде похоти... Не любви...

Моя душа была слишком черной, чтобы услышать какой-то зов любви. Я больше не способен на это чувство. Любовь теперь для меня под запретом.

И тут раздался знакомый голос, который отвлек.

— Алифнет!

Отец Александр вышел из храма, и я словно очнулся. Девушка первой отвела взгляд. Поэтому я просто обошел ее и

направился к машине.

Сзади услышал: — Отец Александр! Благословите.

— Благословляю, раба Божья Фелицата. Ты же уже была сегодня? Что-то забыла?

— Святой воды забыла взять...

Я сел в машину, запустил двигатель, но пальцы легли на руль, и я буквально сорвался.

Алифнет...

Имя звучало странно знакомо. Как будто я слышал его когда-то... Возможно, она была одной из тех, с кем я проводил ночь, и поэтому она тоже так смотрела на меня.

Глава 2

Алифнет

Он даже не узнал меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.